

ОНА РАЗВАЛИЛАСЬ

Повседневная история СССР
и России в 1985–1999 гг.

Университет Дмитрия Пожарского

Евгений Бузев

**Она развалилась.
Повседневная история СССР
и России в 1985—1999 гг.**

«Русский фонд содействия образованию и науке»

2017

УДК 94(47+57)"1985/1999"
ББК 63.3(2)634

Бузев Е. Ю.

Она развалилась. Повседневная история СССР и России в 1985—1999 гг. / Е. Ю. Бузев — «Русский фонд содействия образованию и науке», 2017

ISBN 978-5-91244-203-2

Сборник «Она развалилась», посвященный повседневной российской (советской) истории с 1985 по 1999 год, — плод совместной работы журналистов Евгения Бузева, Станислава Кувалдина и Дмитрия Окреста. Подготовленные ими публицистические статьи и интервью разбиты на пять разделов: экономика, политика, общественная жизнь, пространство бывшего СССР и культура. Рассказы очевидцев о проблемах недавнего прошлого проиллюстрированы фотографиями из личных архивов. Издание предназначено широкому кругу читателей и будет особенно интересно как исторический источник по указанному периоду. 2-е издание, исправленное.

УДК 94(47+57)"1985/1999"
ББК 63.3(2)634

ISBN 978-5-91244-203-2

© Бузев Е. Ю., 2017
© Русский фонд содействия
образованию и науке, 2017

Содержание

От издательства	6
Чтобы не забывали	7
Красно-коричневое колесо	9
#USSRCHAOSSS_economics	12
Привет, капитализм!	12
Сахар-песок и сухое молоко	13
Крыша	14
В рынок с головой	17
Лишь бы страховка не подвела	20
Соната для каски	22
Таран для элиты	22
Дезориентация	23
Горбатый мост	23
Стояние у Горбатого моста	26
#USSRCHAOSSS_politics	38
Период полураспада: хроника ускорения	38
Памятник жертвам Сталина	39
Западные фонды	40
«Яблоко»	41
На государственной должности	41
Прощай, нерушимым	43
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Коллектив авторов

Она развалилась. Повседневная история СССР и России в 1985—1999 гг

© Коллектив авторов, текст, 2017

© Кашин О. В., вступительная статья, 2017

© Бузев Е.Ю., составление, 2017

© Горева Е. А., дизайн и оформление обложки, 2017

© Русский фонд содействия образованию и науке, 2017

От издательства

Сборник «Она развалилась» – не совсем обычный для научного издательства проект. Вместо строгих терминов читателя ждут экспрессивные выражения; вместо схем и таблиц – фотографии из личных архивов; вместо единой проблематики – калейдоскоп сюжетов и тем, волнующих героев книги – очевидцев стремительно уходящей в прошлое эпохи с середины 1980-х годов до начала XXI века.

Идею собрать под одним корешком публицистические статьи и интервью мемуарного характера Евгению Бузеву, создателю паблика «Она развалилась», помогли реализовать журналисты Дмитрий Окрест и Станислав Кувалдин. Подготовленные ими материалы были объединены в тематические блоки, посвященные экономике, политике, обществу, пространству бывшего СССР и культуре.

Данная книга поможет воссоздать жизнь и атмосферу конца XX века. Некоторые тексты непременно найдут живой отклик в сердцах тех, кто застал описываемые события. Однако сборник будет интересен и профессиональным исследователям, ведь книга представляет собой своеобразный исторический источник, в котором сохраняется манера изложения каждого, кто делится на следующих страницах своими воспоминаниями о недавнем прошлом.

Приятного чтения.

Чтобы не забывали

Автор идеи Евгений Бузев об истории создания книги «Она развалилась»

Паблик «Она развалилась», посвященный распаду СССР, существует на базе социальной сети «ВКонтакте» с 2014 года (vk.com/ussrchaosss). Это информационный агрегатор, позволяющий собрать на одном ресурсе фотографии, бессистемно разбросанные в сети, опубликовать забытые мемуары или познакомить подписчиков с неизвестными видеокадрами. Один из основателей проекта Евгений Бузев рассказывает о том, как родилась идея выйти за пределы социальной сети и написать эту книгу.

Историю паблика я рассказывал несколько раз, пришла пора рассказать историю этой книги. Я до сих пор удивляюсь той популярности, которую получил проект «Она развалилась». Удивлялся и тогда, когда мы впервые задумались о том, как выйти за пределы социальной сети, хотя в паблике на тот момент состояло в два раза меньше людей, чем на момент написания этих строк.

Варианты были разные: от магнитиков на холодильник до перевода сообщества в формат сайта. Но идея с книгой показалась наиболее глобальной и, что ли, материальной. Наконец, именно этот вариант позволил аккумулировать хотя бы часть накопленного материала, сделать его ценным не только в развлекательном, но и в историческом смысле.

Как писать? – задумались мы. Грандиозный объем работы не позволял и думать о том, чтобы заняться этим непосредственно администраторам сообщества, у многих из которых к тому же не было опыта журналистской или писательской деятельности. Нанять профессионального автора? Ведь существуют люди, которые специализируются на написании исторического научпопа и издают десятки книг на всевозможные темы. Но я работал в книгоиздании и хорошо знал, что это за люди. Не говоря даже об уровне большинства специалистов такого рода – они привыкли работать для аудитории совсем не нашей. Нас читают люди до тридцати (вот и повод для удивления, ведь получается, что девяностых они почти и не видели, не говоря уж о перестройке). А эти авторы обычно пишут для куда более взрослых людей.

При этом сегодня очевиден интерес к научно-популярной публицистике, регулярно появляются сайты и другие площадки такого рода. От этой мысли мы и оттолкнулись, когда решили привлечь к работе над книгой не профессиональных историков или писателей, а журналистов. Журналист – это профессиональный популяризатор.

И, как я считаю, не прогадали, потому что, когда работа была закончена, я посмотрел на рабочее оглавление и понял, что такую книгу я бы и сам приобрел с удовольствием.

Когда дело дошло уже до конкретного обсуждения творческих планов, мы видели два варианта: учебник по истории перестройки и девяностых годов или же бумажный аналог паблика с отрывочной информацией понемногу обо всем.

Но и первое, и даже второе уже было написано до нас. И мы решили сделать то, что не написано: книгу о забытых девяностых. Какие-то большие, но слишком очевидные темы мы сознательно оставили в стороне, чтобы рассказать о том, что обычно забывают. Например, о войне в Таджикистане у нас гораздо больше, чем о чеченских кампаниях. Политическим кризисом 1993 года мы пожертвовали, чтобы подробно рассказать о величайших в российской истории шахтерских стачках 1998 года. Так что эта книга, во-первых, о том, что забывают учебники.

Во-вторых, когда паблик «набрал вес», то к нам на огонек начали регулярно заглядывать участники тех событий, о которых мы писали. Участники боевых действий, политические активисты, обыватели, даже некоторые забытые уже медиаперсоны, вроде известного националистического деятеля девяностых Александра Баркашова.

Они рассказывали о том, как исторические события были для них повседневной реальностью, поправляли, спорили, а иногда просто ругались. И это второй важный элемент нашей книги – рассказы очевидцев, oral history. Немало страниц мы отвели интервью с людьми, которые или делали историю, или переживали ее день за днем.

При этом мы не оживляем историю, мы не про историю, а про память. Знаменитый французский историк Пьер Нора сформулировал концепцию «мест памяти» – ключевых точек, которые заставляют переживать людей «непрерывное настоящее». Сегодня России не хватает именно памяти, памяти как реакции на события нашего прошлого.

Надеюсь, что книга станет важным элементом очень хрупкой памяти о том не очень большом, но очень насыщенном периоде, о котором сейчас не хотят вспоминать. Память не предполагает идеализации или осуждения. Память – это, прежде всего, уроки и выводы, которые, кстати, могут и меняться. Но чтобы они были, нужно помнить.

Будем помнить вместе.

Евгений Бузев

Красно-коричневое колесо

Журналист Олег Кашин, автор книг «Горби-дрим» и «Развал. Действовавшие лица свидетельствуют», о важности свободного восприятия истории

Собрание сочинений Солженицына странно смотрится на полке. Меньшая его часть – это то, что сделало Солженицына Солженицыным. Первые три рассказа, два романа и тот самый «опыт художественного исследования». Ранние и поздние вещи. Ну да, для того и существуют собрания сочинений, чтобы мы прочитали, с чего всё начиналось и чем всё закончилось. Нельзя снимать сливки без молока: и «крохотки», и довольно дикие стихотворные пьесы – это то молоко, которое, очевидно, заслуживает читательского любопытства. Но это сколько еще томов? Два, пускай три. А всё остальное – «Красное колесо», которое, в общем, мешает. Неидеальное по исполнению, уплотняющееся от «узла» к «узлу» и срывающееся на хорошо заметную скоропись, оно могло бы иметь ценность, если бы о предреволюционной и революционной России больше никто не писал, а если и писал, то мы бы были лишены возможности прочитать. Сейчас, когда всё доступно, такое повествование едва ли имеет ценность, и это читательская досада – обнаруживать, что Солженицын большей частью состоит из «Красного колеса», которое не станешь читать взахлеб и которое не перевернет твоего представления о мире. Без «Архипелага ГУЛАГа» обойтись нельзя, без «Красного колеса» – можно.

И, видимо, стоило бы снабдить какое-нибудь новое его издание подробными примечаниями, но не о министрах и генералах, которые мелькают там, в «узлах», а о том контексте, в котором появлялись, по крайней мере, первые узлы – когда автор «Ивана Денисовича» оказался любимым героем шестидесятнической советской интеллигенции, воевавшей с призраком Сталина при помощи призрака Ленина и всерьез желавшей вернуться к, как тогда говорили, «ленинским нормам».

Это был системообразующий дефект всего поколения. Годы спустя мемуаристы списывали его на свою наивность и молодость. Но нет, это был сознательный выбор и сознательный конформистский компромисс, объединивший и молодежь, и ветеранов. Важно понимать, что Сталина развенчал Хрущев, а не Евтушенко и не Твардовский. Более того, есть очень большое подозрение, что, окажись посмертная судьба Сталина в руках не бронебойного номенклатурщика, а творческой интеллигенции, далеко не факт, что поэты и художники решились бы самостоятельно устроить свой «XX съезд»: кого-то остановила бы хранящаяся в серванте лауреатская медаль сталинской премии, кому-то повезло лично разговаривать с вождем, и тот разговор заставил бы его отнестись к собственному антисталинизму как к предательству, кто-то просто происходил из семьи, многим обаянной воле Сталина. И в итоге вышел бы такой компромисс, в результате которого сейчас на Украине сносили бы не только памятники Ленину, но и памятники Сталину – за прошлые шестьдесят лет их бы никто не тронул.

Я так уверенно рассуждаю об этом, потому что есть исторический факт – на самостоятельный отказ от Ленина советская интеллигенция не решилась. У кого-то папа был старым большевиком, кто-то сам в молодости «Ленина видел» и пронес свой восторг через всю жизнь. Фактор «старых большевиков» нельзя сбрасывать со счетов – к началу шестидесятых эти люди еще были вполне влиятельной группой. Тот же Эренбург, изобретатель слова «оттепель» в известном значении, знал Ленина еще по дореволюционной эмиграции и гордился данным ему Лениным прозвищем «Илья Лохматый» – что, он стал бы ниспровергать Ленина в шестидесятые? Об этом не принято говорить и думать, но советское шестидесят-

ничество, несмотря на всю фронду, было принципиально лоялистским, и даже его антисталинизм – что это, как не следование решениям партийного съезда в духе демократического централизма?

У Солженицына, безусловно, была возможность стать настоящим шестидесятником и, когда с приходом Брежнева борьба с культом личности была сведена на нет, уйти за «Захаром-Калитой», который давал именно такую возможность, в солоухинский мир разрешенного консерватизма. Советские писатели Абрамов, Солженицын и Можаяев приняли участие в конференции ВООПиК – да легко. По большому счету, это и было подвигом Солженицына – не санкционированный на высшем уровне «Иван Денисович», а личная война с Лениным, материальным свидетельством которой (не только ее, конечно) и стало «Красное колесо». Война, в которой на стороне Ленина были и власть, и интеллигенция, а против – да только один Солженицын и был, по крайней мере, тогда.

* * *

В 2013 году исполнилось двадцать лет ельцинскому указу № 1400 и расстрелу Белого дома. В студии телеканала «Дождь» снимали юбилейное ток-шоу. Я сидел на студийной лавочке и слушал, как мои добрые знакомые, товарищи по Болотной и по неприятию Путина вообще, – те, которые старше меня на двадцать и более лет, – начиная говорить, вдруг превращались в трансляторов самой циничной пропаганды из девяносто третьего года. Паттерн «Макашов-Баркашов» окажется настолько живучим, что во время украинских событий его возродят в неизменном виде применительно к «Правому сектору»: пропаганде удобно поставить знак равенства между всем протестным движением и фашистами на вторых или третьих ролях. Я сидел и слушал программу «Время» двадцатилетней давности, а потом понял, в чем дело. Это телеканал «Дождь», и на нем вообще-то так можно. Когда его инвестор Александр Винокуров куда-то выдвигался и участвовал в теледебатах, на экране «Дождя» был титр – «Конфликт интересов»: то есть имейте в виду, уважаемые зрители, перед вами не просто кандидат, но и человек, от которого зависит канал, и к его словам надо относиться особенно осторожно, потому что может так случиться, что зависящие от инвестора ведущие и журналисты не решатся его перебить или возразить ему.

Это очень правильный титр, и в ток-шоу о девяносто третьем годе я бы его давал ко всем формально беспристрастным комментаторам – историкам, политологам, деятелям искусства. Конфликт интересов – этот человек в девяносто третьем году работал на государственном телевидении. Конфликт интересов – этот милый профессор в девяносто третьем году был сотрудником Администрации Президента. Конфликт интересов – эта актриса в октябрьскую ночь девяносто третьего года, выступая по телевизору, звала в город танки.

Важно, очень важно ни на секунду не забывать, что наше представление о девяностых – не только о том октябре, но вообще обо всем, что происходило в промежутке между Горбачевым и Путиным, – сейчас во многом формируют буквально те же люди, которые двадцать лет назад были важными действующими лицами, принимали решения или уговаривали нас сделать выбор. У этих людей конфликт интересов, и им всегда будет важно оставаться уверенными в своей тогдашней правоте и заражать нас этой уверенностью. «Повтори, малыш: Макашов-Баркашов», – как бы просит меня седой политолог из того времени, точно так же, как старый большевик в шестьдесят каком-нибудь году говорил юному современнику о плохом Сталине и хорошем Ленине.

Девяностым нужен свой Солженицын, свое «Красное (красно-коричневое? – О.К.) колесо», чтобы старый большевик утерся и не смел больше тиражировать старую ложь. Монополия коллективного «Ельцин-центра» на то, чтобы рассказывать нам о девяностых, должна быть разрушена – без этого нам так и придется до скончания века играть в плохого

Путина и хорошего Ельцина, путешествуя по кругу, чередуя оттепели и закручивания гаек. В наших условиях появление постшестидесятнического взгляда на ельцинское десятилетие было вопросом не героизма, как во времена «Августа четырнадцатого», а просто времени – надо было дожидаться, когда вырастут подростки девяностых, у которых нет конфликта интересов.

Олег Кашин

#USSRCHAOSSS_economics

Привет, капитализм!

Финансовый аналитик Владимир Рожанковский об эре кооператоров

19 ноября 1986 года в рамках перестройки советское правительство приняло закон «Об индивидуальной трудовой деятельности» – частный извоз и репетиторство в свободное от основной работы время стали легальны. В феврале 1987-го принято постановление «О создании кооперативов по производству товаров народного потребления» – советскому человеку впервые со времен НЭПа разрешили заниматься предпринимательством. В марте 1988-го правительство решает, что пора стричь купоны: министр финансов СССР Борис Гостев потребовал «изъятия сверхдоходов». Вскоре выяснилось, что руководитель кооператива «Техника» Артем Тарасов уплатил 180000 рублей, став таким образом первым легальным советским миллионером.

В мае того же года принят закон «О кооперации», позволявший кооперативам заниматься любыми разрешенными видами деятельности и использовать наемный труд. Экономист Владимир Рожанковский рассказывает о первых шагах новых предпринимателей и проблемах, с которыми столкнулись строители капитализма. С 1996-го он работал в крупнейшем инвестиционном банке HSBC James Capel в Лондоне, затем брокером в США. После возвращения в Москву возглавлял аналитические департаменты ведущих инвестиционных компаний.

Я поступил в Московский энергетический институт в восемьдесят четвертом году. Здесь училось много иностранцев из капстран: Египта, Перу, Боливии, Индии. Мы им заказывали винилы, которые затем на Горбушке расходились на ура. Еще был Комок напротив планетария – это была тусовка меломанов, но с элементами частного предпринимательства. Люди рассчитывали на Комке приобрести пластинку за 10 рублей и затем перезаписать ее на бобины. Хорошим людям, энтузиастам, мы бобины продавали по 5, а плохим – по 10 рублей. Таким образом получали хороший приработок к стипендии, которая не превышала 35–40 рублей в месяц. Для ценителей стали делать красивые коробки для бобин с обложками: фотографировали «Зенитом» оригинальное оформление и распечатывали на цветной бумаге.

Когда в восемьдесят седьмом вернулся из армии, то все уже фарцевали – перед любым университетом располагались так называемые сачки, они же толчки. Рок-музыку уже выпускали на Апрелевском заводе пластинок, но там еще работал худсовет – *Motorhead*, *AC/DC* или *Pink Floyd* найти было трудно. На разрешенный же Beatles был такой спрос, что винилы распределяли между своими, и они не доходили до широкого рынка. Толчки не поощрялись, но профессора и не препятствовали. Оборот был небольшой – бандитов такие мелкие деньги не интересовали. Здесь появились предвестники челночных рейдов: шмоточники приходили со спортивными сумками, откуда доставали вареные джинсы, майки с оригинальными слоганами и дутики (модные тогда дутые куртки). Затем все побежали регистрироваться кооператорами, стали делать пристройки к ларькам мороженого, раскладывали товар перед метро.

Вторым серьезным направлением кооперативной волны стали мастерские, где паяли ушедшие с электронных заводов. Они спаивали светомузыку, собирали из обломков аудиосистемы, восстанавливали сломанную радиотехнику. К девяностому году рубль сильно упал, и знаменитая магнитола SHARP 777 стала стоить 800 рублей – ну совсем недоступно. Тогда же стоматологи массово бежали из поликлиник, где платили совсем копейки. На старом месте

работы они арендовали кабинет и ставили людям пломбы. Вся техника была советская, а материалы для пломб – из Германии. Все окупались буквально за два месяца. Доступ к прочим инициативам простым людям был ограничен: например, поиск работы за рубежом курировался работниками МИД.

Сахар-песок и сухое молоко

До и послеучеловека, окончившего институт, был ограниченный список перспектив. В Союзе ты банально устраивался на завод и пахал там до смерти, ведь в обмен на лояльность предприятие давало жилплощадь. В перестройку у людей сильно разошлись пути – та эпоха позволяла выбрать свой коридор возможностей. ГКЧП я увидел, когда был в США. Расстрел Верховного Совета телевизор показал мне в Сингапуре.

В США у меня вызвал потрясение даже не Нью-Йорк с небоскребами, а мотивационная атмосфера. Если в Москве спрашивали, где ты учился, то там – что ты умеешь и чем можешь быть полезен. Поразило, как пропускают на улице, ведь *homo soveticus* был озлобленным существом, которое постоянно бегало за дефицитом. Вопрос о том, как заработать, был вторичен для советского человека, так как независимо от количества денег ты не мог просто купить билет в Большой театр. Шанс на талон на «Жигули» у тебя был, только если ты оказал услугу в стиле «ты мне – я тебе».

Пока в стране формировался рынок, стартовала банковская система, приватизировали предприятия, куча моих однокурсников продолжали сидеть на кафедрах в здании со скрипучими полами. «Я боюсь, я не знаю, куда идти, я ведь получил диплом инженера-электрика, я боюсь сменить специализацию», – говорили мне знакомые, словно оправдываясь. Эти консерваторы прозябали всю эпоху, пока дело не дошло до госучреждений, которые тоже начали сокращать.

В девяносто втором году я вернулся в страну – универмаги утратили связь с подрядчиками, и никто не мог найти поставщиков сахара или сухого молока. Пастеризованного молока, которое не скисает, еще не было, поэтому у каждого добропорядочного россиянина стояло на полке килограмма три сухого молока. Большинство посредников хронически оказывались в пролете, так как работали по неправильной схеме. Есть такой анекдот: один сказал, что у него есть вагон сигарет, а другой – что у него есть деньги. Как только договорились, первый пошел искать курево, а второй – бабло. Мы же поняли, что лучше сперва привозить товар в Москву и уже тогда спрашивать универсамы. В условиях нестабильности и спонтанных решений это оказалось выигрышной стратегией.

Сейчас рынок узкий и заработать сложно, ведь все цены в интернете легко пробиваются. Тогда же ты сам определял цену: если чувствовал, насколько товар нужен, и понимал, по какой максимальной цене могут выставить на прилавке, то предлагал дороже. Норма прибыли доходила до 60 %. До места товар возили ночью мелкими партиями на легковушках, чтобы избежать ненужных встреч с милицией и бандитами. При этом деньги, несмотря на объемы, сперва возили налом в набитых кейсах – азарт был адский. Потом решили через Сбербанк: в стране был бардак и ходили огромные суммы, поэтому на наши переводы внимания не обращали.

Мы были очень голодными в те годы, и большинство предпочитало инвестировать в пьянки-гулянки. Кто-то, конечно, отнес в оказавшиеся пузырями «Чару» или «МММ», но мне после хорошей сделки больше хотелось купить мужикам коньяк «Наполеон», а девушкам ликер «*Amaretto*» и конфеты «*Fazer*». Классовая ненависть была к публичным предпринимателям, работавшим непосредственно с потребителями. У них была хорошая норма прибыли – они раньше нас купили автомобили, – но я предпочитал мобильность и не оформляться. Все официальные формы собственности рожают ненужный интерес со сто-

роны привыкших жить на ренте. Рейдеры вычисляли предпринимателей, когда те вставали в госреестр.

Крыша

Рэкет стал развиваться, когда начались частные инициативы на госпредприятиях.

Например, на «Тольяттиазоте» часть людей откололась от руководства и сбывала продукцию мимо главных ворот. Другие монопольно поставляли продукцию «АвтоВАЗа» или листовой прогон Череповецкого завода. А, например, братья Черные сибирским алюминиевым заводам предложили толлинговую схему: из их глинозема делался алюминий, который братья затем выкупали, однако рабочие денег не видели. И сегодня фирмы, аффилированные с хозяевами, поставляют в Россию сырье, а вывозят готовую продукцию. В итоге ни глинозем, ни переработка не облагаются пошлинами. Я интересовался этими схемами – хотели присоединиться, но такие вещи трудно промутить, когда тебя не прикрывают.

С девяносто второго работягам выдавали ваучеры их предприятий, подлежащих приватизации. Народ не понимал, что с ними делать, и охотно продавал. Предпринимателям нужно было не только выкупить ваучеры у работников, но и договориться с крышей. Ваучер стоил дешево – червонец, но возможности управлять независимо он не давал. Если ты попытался бы прийти на ЗИЛ с дипломатом ваучеров и сказать, что у тебя треть акций, а значит, ты мажоритарный акционер, то тебя бы вынесли вперед ногами. Я прорабатывал десятки вариантов с ваучерами, но везде требовалось быть вхожим в круг местной элиты, нужно было дружить с начальником милиции, судебными органами и функционерами партийных ячеек, которые мигом перекрасились в либералов.

Затем договориться о том, кто будет хозяином, и уступить долю. Если же хозяин не годился, то были разные способы убеждения – фильм «Бригада» имеет определенный исторический прообраз. На деле люди задолго до физической сделки знали все расклады. С толком использовать приобретенные ваучеры смогли только «Телетрейд» и «Финансовый попечитель», чей руководитель увлекся православием и сменил имя на Василий Бойко-Великий.

Картофель – верная подмога в жизни россиян. Из личного архива Ксении Николаевны

Это неправда, когда говорят, что кооператоры выскочили, как кавалеристы, а после их разведки пошли чиновники. Возможность пройти путь от продажи футболок со смешными надписями до владельца сети бензоколонок – это сказка для романтичности картинки. Серьезные люди занимались заводами, а не продажей джинсов. Все залоговые аукционы по

приватизации авторства вице-премьера Анатолия Чубайса были исключительно для своих. Пока кооператоры возили из Турции шмотки, все чиновники и их приближенные шли своим параллельным курсом – у них уже были связи и доступ к активам.

Челнок в лучшем случае мог вырасти в бутик – у таких людей был потолок развития. К девяносто шестому году у нас тоже наметился предел: для масштабирования нужно было легализоваться – то есть подставиться под сборы со стороны крыши. В итоге я принял решение учиться и работать за рубежом. Спорадически я приезжал в Москву, но понимал, что поздно начинать свое дело, ведь сверстники пахали на свои проекты, а я выпал из обоймы. Во время визитов у меня не было ощущения радикальных перемен – люди продолжали оставаться *homo soveticus*. Только в 2006-м, когда я вернулся, у граждан изменился менталитет – к тому времени они уже вдоволь наездились по заграницам и стали щеголять выражениями типа «что нам тот Запад, нас и здесь неплохо кормят».

Материал подготовил Дмитрий Окрест

В рынок с головой

Пенсионерка Лариса Александрова о том, как советские граждане начинали рыночные отношения

Пенсионерка Лариса Александрова – жена кадрового офицера. Вместе с ним она моталась по всему Союзу – от Заполярья и Сибири до Кавказа и Донбасса. После отставки супруг работал на заводе, но решил заняться бизнесом, позитивно оценив кооператорские успехи сыновей. Эта история – типичный рассказ о том, как на фоне безработицы, дефицита и девальвации советские люди, не имевшие прежде предпринимательского опыта, пытались заработать свой первый капитал.

Жили мы на Украине с восемьдесят четвертого года, в апогей перестройки муж вдруг решил брокером стать. Я и слова такого прежде не слышала. Рассчитался с заводом, бросил свой отдел стандартизации и поехал в Киев на курсы. Муж глядел на сыновей, как у них дела пошли, когда кооперативное движение началось, да тоже захотел попробовать. Тогда все сразу стали бизнесменами: видеосалоны, купи-продай сплошное. К примеру, зарплата на заводе была под 120 рублей, а ателье открыл – и уже 800 получаешь.

Обязанности брокера – прийти на завод, где на складе стоят уже ненужные автоматы, оценить их и найти покупателя. Завод отдает, допустим, это старье за 1500, брокер – по 1700, а всю разницу себе. В общем, сколько муж ни находил клиентов, разницу ему директора ни разу не отдавали – их сразу жаба заедала.

Раз поехал в Киев, чтобы договориться насчет перепродажи бензина. Мы должны были получить несколько миллионов за то, что свели покупателя и продавца. Они же как встретились, так и отписали посредников, не дав ни копейки, так муж и вернулся с пустым чемоданом. Накануне поездки он всё переживал, что в его новый черный кейс вся сумма не влезет.

Мы, как и все, подписались за отдельное государство, чтобы была независимая Украина. Считалось, что всё равно все славянские республики будут в одном союзе. Народ подкупили тем, что разрешили приватизировать квартиру и тем самым стать собственником своего жилья. Раньше ведь только обменять можно было. Как приватизацию разрешили, так уже всем было на всё плевать – и на политику, и на промышленность. Вот директор завода получил право приватизации целого предприятия: ему – 51 % акций, а пяти тысячам рабочих – 49 %. Всё хотели побыстрее перевести на капитализм.

Народ пошел за эту власть, так как жрать было нечего – вокруг пустые прилавки. Даже председательница поселкового совета ничего не могла купить. За пельменями в столицу ездила – тащила на себе в бабушкином платке. Когда народ узнал о том, как хорошо живет бюрократия со своими талонами, так и захотел изменений. Все захотели снять партию коммунистов и сделать частную собственность.

После краха Союза брокерство у нас не заладилось, зато решили организовать свою фирму. Тут как раз племянник из России, тоже бывший офицер, подогнал на 4 миллиона рублей целый вагон цветных телевизоров «Темп». Сдали в магазины, но деньги пообещали отдать, когда всё продадут, – к тому времени на Украине ввели купоны¹, и деньги подешевели. Только тот нажился, у кого папа в райкоме партии сидел. Вот соседка наша работала

¹ В СССР наименование «рубль» на украинский язык переводилось как «карбованец». В 1992 году новой денежной единицей Украины из-за недостатка советских рублей стали купоно-карбованцы, в просторечии «купоны». Вместе с рублями они использовались как параллельные денежные единицы: купоны принимались к уплате за любые товары и услуги, а рубли – только за непродовольственные товары. Среднегодовой курс в 1992 году составлял 135 купонов за одну дойчмарку, но уже к 1995 году за одну марку давали свыше 100 тысяч купонов.

на торговой базе, брала детские курточки, чтобы границу пересечь и перепродать. За сами куртки не платила, так как ее родня прикрывала. Офигительная гонка на выживание тогда пошла.

На полученные наконец-таки от универмага деньги купили стиральные машины-полуавтомат, каждая машина по 16 тысяч рублей. Может, и дороже, тогда все расчеты шли в долларах, так как прочие деньги всё время скакали. Муж поехал в Донецк, где стиральные машины погрузили в состав, а когда к нам пришли, то вагон уже вскрыли. Железная дорога через пару месяцев страховку выплатила – да только тогда деньги опять обесценились.

Митинг против радикальной экономической реформы. 2 января 1992 года. Фотография предоставлена Ельцин Центром

Неожиданно муж договорился купить газовые плиты и сдать их в колхоз. Они в качестве части оплаты прислали 10 мешков сахара, но расплатиться за плиты всё равно не хватало – пошла опять к подруге из финансового отдела. Да что говорить, все кооперативные эксперименты проводились за счет хаоса и бардака по всей стране. У меня ведь куча друзей, да и язык подвешенный – вот и удавалось договориться. Нам тогда как раз из-за бугра прислали целый вагон теплых одеял – они у нас до сих пор лежат, мы ими картошку укрываем. В общем, прихватила я это одеяло и денег в придачу. Подруга же посоветовала поехать в Москву и договориться с заводом кафельной плитки – вскоре приехал вагон плитки, вот ею мы и расплачивались с кредиторами.

Плитку потихоньку продавали на городском рынке, всё хорошо шло, заодно сгущенку и молоко толкали. Но тут нас конкуренты выследили и налоговую инспекцию натравили. В накладной дату не проставили – вот и заплатили штраф, а инспекторы говорят: «Еще раз на рынке появитесь, так вообще не рассчитаетесь». Отчетность мне приходилось всю делать самой – ради этого пошла на бухгалтерские курсы, но мне всё это казалось такой фикцией. Первая же проверка увидит, что у нас вся отчетность шита белыми ниткам. Тут ведь всё государственное – плиты, стиралки, телевизоры. А в итоге всё это не пошло – одни убытки.

Дохода, если честно, это не приносило, жили же мы за счет военной пенсии мужа и моей зарплаты. К девяносто четвертому году решили уезжать в Россию – и дети поближе, и от греха подальше. Как деньги за квартиру получили, так вечером сели в поезд и уехали. Боялись, что ночью к нам нагрянут. Деньги же распихали в специально сшитый пояс и провезли через границу на себе. Как приехали в Россию, так сожгли всю документацию.

Поселились мы в поселке в ста километрах от Москвы. Здесь же сдали в киоск привезенную сгущенку. На Украине на ней много не заработаешь – разрешалось только 10 % наценку делать. К тому времени в поселке завод закрыли, зарплату никому не платили, молодежь начала караулить палатки, а детские сады, школы, поликлинику – уже всё растащили.

Раз встретила на скамейке школьную подругу и спросила, можно ли через нее сахар привезенный продать, а она: «Ради Бога, не связывайтесь с моим сыном». Он тогда с пацанами подмывал под себя райсовет, конструкторское бюро, милицию и завод. Начали контролировать вскоре и Киевский вокзал, и Дорогомиловский рынок. Через год из-за разборок сына и убили. Младший тоже пошел в мафиози, но далеко не ушел – передознулся наркотиками. Друзья потом установили барельеф с ним в полный рост прямо в квартире подруги.

Сейчас на кладбище в поселке под соснами проложены целые улицы мафиозников. У одной подруги убили сына в гараже, другого – в парке ножиком после кутежа, третьего расстреляли в машине на перекрестке. Страшновато, конечно, было. Когда из поселка после замужества уезжала, то у нас дома образцового содержания были, все в ПТУ стремились учиться на «отлично», мечтали инженерами стать. Мы – люди советской закалки – для новой элиты были «старыми русскими», ведь к успеху стремились на шестисотых мерсах «новые русские» в малиновых пиджаках. Выжившие мафиози сейчас в поселке перешли на легальное: теперь контролируют ритуальные услуги. Морг, бригада копателей, продажа цветов – всё под ними.

В девяностые денег было мало, считай, совсем почти не было. Но вот подруга вернулась из Москвы и говорит: «Ой, знаешь, я несколько месяцев назад деньги положила в банк „Тибет“² и уже получила процент». Я говорю мужу: «Ну, а что теряем? У нас 600 долларов есть, так давай поедem и положим». 600 долларов тогда огромная сумма – в месяц на сотку семья могла прожить. В облцентре как раз открыли отделение, солидный договор дали, и уже в первый месяц мы получили процент – такие мы были довольные. На третий месяц приехали получать, а там такая паника – народу уйма, к кассам не протолкнешься, двери штурмуют, все кричат: «Беда, закрывают наш „Тибет“».

Доллары нам так и не вернули, а взамен предложили куртку и три пары джинсов-варенок циклопических размеров, которые до сих пор лежат в шкафу. Джинсы были отечественные – на них без сострадания и не посмотришь. Да и такая возможность была не у всех – нам только как пенсионерам дали возможность зайти на склад и выбрать себе вещи, чтобы возместить ущерб.

«Тибет» обанкротился, здание продавали вместе со всей оргтехникой, а на вырученные деньги, чтобы успокоить людей, привезли товар. В Москве вкладчики и вовсе захватили офис, вскрыли сейфы и всё разграбили. Основа «Тибета» была простой – первым платят за счет тех, кто пришел, а последним уже ничего и не остается. В общем, после этого решили больше в бизнес не соваться – не такие всё-таки наглые. Муж же нашел работу охранником в Москве – сутки через двое дежурил. Копейка хоть и маленькая, зато стабильная.

Материал подготовил Дмитрий Окрест

² Действовавший в нескольких формах собственности «Тибет» возник как предприятие по сбору лекарственных трав, так как директор Владимир Дрямов увлекался народной медициной и экстрасенсорикой. Вкладчикам пирамиды выплачивалось по 30 % вклада в месяц – от ее действий пострадало свыше 200 тысяч человек. Дрямова арестовали в Греции за угон автомобиля. Российский суд приговорил его к 9 годам заключения.

Лишь бы страховка не подвела

Альпинист Борис Кашевник о советском импортозамещении

7 декабря 1988 года в Армении произошло землетрясение, унесшее жизни 25 тысяч человек³. Помощь спасателям оказали сотни альпинистов, у которых прежде здесь проходили сборы. Об уровне технического обеспечения спортсменов и их находчивости в эпоху дефицита рассказывает чемпион СССР Борис Кашевник, автор свыше 20 патентов и изобретений.

У нас в альпинизме было много ценного: хорошие традиции, отличные инструкторы, лучшая школа воспитания ответственности и взаимопомощи. Однако в производстве снаряжения к восьмидесятым мы очень отставали от Запада, где оборудованием занималось много частных фирм, причем на достойном уровне. В нашем альпинизме, прямо скажу, не было особо большого разнообразия ни в веревках, ни в креплениях. Отсутствовали, казалось бы, привычные на сегодня вещи, без которых не представишь ныне подъем. В те годы в советском альпинизме даже не было действительно стоящих веревок! Для альп лагерей по линии Всесоюзного центрального совета профессиональных союзов поставлялся лишь 10-миллиметровый рыболовецкий фал. И это тогда, когда европейцы уже свыше десяти лет имели отличные, специально созданные для альпинизма веревки из синтетических волокон. Завидовали мы им со страшной силой!

В начале восьмидесятых годов Управление альпинизма закупило первое оборудование для производства качественных веревок. Создание снаряжения на постоянной основе у меня началось со спусковых устройств «Букашка», которые были сделаны для экспедиции на Эверест в восемьдесят втором году. В научно-техническом объединении промысловства в Калининграде начались наработки и поиски конструкций веревок, которые можно сделать на наших мощностях. В то время, к сожалению, был очень плохой обмен какой-либо информацией, и не только в области новинок – в пору было бы заниматься промышленным шпионажем. Мы, может, и отставали технологично, но зато было полно своих Кулибиных, готовых придумать из ничего что тебе угодно.

К восемьдесят восьмому перестройка начала буксовать. Горбачев, впрочем, еще более-менее держал штурвал, ну а я, по достижении требуемого возраста, вышел на пенсию. Пятьдесят пять лет отданы альпинизму, чемпион СССР, был тренером школы инструкторов, руководил сборами Федерации по испытанию снаряжения, провел в горах много «спасаловок» – так что вопрос, чем заняться, передо мной не стоял. И так уже всё понятно! Как-никак, вся моя жизнь связана с горами, экспедициями, восхождениями – Мамисон, Чанчахи, пик Коммунизма, Ужба, Дыхтау, Пти-Дрю. Так что же удивительного, что, выйдя на пенсию, я решил заняться созданием снаряжения – благо всякие подвязки были.

Уже к восемьдесят девятому году удалось на базе собственного сырья изготовить первую партию. Кроме того, выпустили отечественные «Технические условия» на более-менее приличные веревки. Все испытания новинок проводились на базе наших сборов на Эльбрусе. Тестировали всё подряд, в том числе и западное снаряжение, и самодельное, которое привозили курсанты школы инструкторов. До этого все сведения по страховке и снаряжению в условиях «железного занавеса» мы черпали в основном из переведенной нашими ребятами зарубежной литературы. Однажды пожарные обратились с просьбой создать тер-

³ Самое разрушительное землетрясение в истории СССР. Охватило 40 % территории Армении, были разрушены сотни населенных пунктов.

мостойкую веревку. Изначально спасатели заимствовали для своих целей традиционное альпинистское и спелеологическое снаряжение. Подумать только, я ведь был уверен, что у кого-то, а у пожарных есть всё – на основе этого я позже создал портативный комплект для самоспасения пожарного.

Многочисленные техногенные катастрофы и Ленинаканское землетрясение в Армении 8 декабря 1988 года привели меня к мысли о разработке специализированного снаряжения в условиях ЧС. То землетрясение – это страшное дело, требовалась массовая эвакуация населения. Помню, была адская нехватка специалистов, так ведь еще и труднодоступность региона. Когда всё случилось, то буквально вся альпинистская среда совершенно стихийно, как лавина, рванула туда. Это решение было не остановить! Все бросали дела и мчались помогать. Местность ведь знакомая, каждый из нас не раз там бывал, это не была какая-то отдаленная от нас трагедия, мы знали этих людей, эти перевалы. Добирались попутками, автобусами, любыми средствами, чуть ли не пешком – кто на чем мог.

Тогда-то и познакомилась широкая общественность с нынешним министром обороны Сергеем Шойгу. Он вовремя сориентировался и оперативно привлек спасателей из числа альпинистов. В результате при всей советской неразберихе и при всём разгильдяйстве ситуация всё-таки была взята под контроль. Трагедию хорошо описал спелеолог Константин Серафимов в своей книге «Армения. Записки спасателя»⁴.

Потом девяностые: инфляция, приватизация, обесценивающиеся деньги, разваливающаяся промышленность. Ничего, руки прокормят! Сначала, конечно, пришлось поработать с теми, кто имел какие-то деньги, с теми, кто предлагал свою помощь. Постепенно стал предпринимателем, если так можно выразиться. Время такое, что каждый старался найти возможность подзаработать. У меня был производственный опыт с сорок третьего года, и еще не были утеряны связи с уже разваливающейся ленинградской промышленностью – вот и был кусок хлеба. Не деньги были столь важны, сколько возможность развивать собственную технику – тем более уже было и соответствующее оборудование. Параллельно работал в альпинистском клубе «Эдельвейс» при Ленинградском институте точной механики и оптики. После падения СССР в погоне за прибылью возводятся жилые здания высотой 150 и более метров. При этом, как показала практика, эвакуировать людей с таких высот действительно не на чем. Да и у бойцов противопожарных подразделений не было ни опыта ведения высотных спасательных работ, ни нужного снаряжения.

Мы ничего не передрали с западных образцов, ведь все разработки доводились до получения патента. Наиболее интересными оказались комплекты «Карусель» для групповой эвакуации неподготовленных людей с больших высот и комплекты для индивидуального вертолетного десантирования спасателей. Сегодня свое отечественное альпинистское снаряжение разрабатывать дорого и невыгодно. Привезти и перепродать безопаснее, дешевле и проще – хотя и в восьмидесятые, когда не было никакой почти информации, и в голодные девяностые мы предпочитали действовать иначе. Когда-то воин-афганец сказал Горбачеву: «За державу обидно!» Ну, что тут еще добавить?

Материал подготовил Дмитрий Окрест

⁴ Константин Серафимов. Армения – записки спасателя // Библиотека Максима Мошкова. URL: http://lib.ru/MEMUARY/QUAKE88/zapiski.txt_with-big-pictures.html (дата обращения 30.03.2017).

Соната для каски

Профессор Давид Мандель об особенностях рабочего движения в СССР и России

В июне 1989 года прекратили работу горняки в Междуреченске: уже полгода они требовали отрегулировать оплату работы в ночное время и вернуть ставшее дефицитом мыло. К ним присоединись шахтеры других угольных бассейнов. Вскоре экономические требования сменились политическими – просили отменить в статью Конституции о «руководящей и направляющей роли партии». В 1990 году благодаря поддержке шахтеров депутата Бориса Ельцина избрали председателем Верховного Совета России. Начавшаяся всесоюзная забастовка прошла под лозунгом «Борис – шахтеры с тобой!».

Спустя девять лет, 1 мая 1998 года, работники шахт Анжеро-Судженска объявили голодовку с требованием выплатить многолетние долги по зарплате. Чуть позже в знак солидарности железную дорогу перекрыли по всей стране: горняки ставили палатки на железнодорожном полотне и требовали отставки президента Ельцина. Об отличиях протестов рассказывает профессор политологии Университета Квебека в Монреале Давид Мандель, исследующий рабочее движение России с 1970-х годов.

В семьдесят шестом году я стажировался в Ленинграде. Люди были закрытые, провинциалы меня боялись – для них я был словно инопланетянин. Тогда я работал над диссертацией, посвященной рабочему движению в 1917–1918 годах. Хотел понять, почему революция не развилась, вопреки ожиданиям ее участников, и все выродилось в сталинизм. Начал копать историю Гражданской войны и понял, что первопричины нужно искать в более ранние годы.

В следующий раз я посетил СССР в восемьдесят пятом, но большой разницы в людях не увидел, хотя процесс разлома стал более заметным. В восемьдесят седьмом интервьюировал участников новочеркасских событий 1962 года. Тогда при разгоне демонстрации рабочих электровозостроительного завода убили как минимум 26 человек. Нас прослушивали и меня арестовали, так как я не имел права покидать Москву – в итоге мне запретили въезд в страну. Через несколько лет я написал письмо главе МИД Эдуарду Шеварднадзе, позднее грузинскому президенту. Меня простили и разрешили вновь посетить СССР.

Постепенно я перешел на изучение современного рабочего класса. Когда у власти была номенклатура, невозможно было изучать рабочих. Я много поездил по стране: Питер, Ярославль, Уфа, Свердловск, Минск. В Канаде был большой интерес к процессам в СССР, особенно среди левых, которые жили надеждой, что уж теперь страна повернется к настоящему социализму.

Таран для элиты

В 1989 году организовались сообща шахтеры Донбасса, Воркуты, Кузбасса и Караганды. В то время у всех шахт был один собственник – власть. Она казалось сильной – КГБ, армия, цензура, а на самом деле была очень непрочной. Она не могла терпеть другого мнения, но первая удачная демонстрация несогласия показала слабость системы. Действия бастующих были впечатляющими – по сути они пошатнули систему. Попутно действующий в Воркуте «Независимый профсоюз горняков» заключил союз с Ельциным. В Москве я был на съезде трудовых коллективов, выдвинувших программу, согласно которой именно рабо-

чие должны управлять заводами. В ответ Ельцин заявил, что будет обязательно следовать их рекомендациям.

Шахтеры не боялись потерять свои места, не боялись они и закрытия шахт. Они считали, что иметь нормальные условия труда – это их право, ведь они как будто бы даже правящий класс. Это мощное низовое движение было такими смелым, так как никто попросту не знал, что такое безработица – на протяжении 60 лет абсолютно у всех была работа. При этом шахтеры из-за тяжелого и опасного труда получали достаточно много по советским меркам.

Исторические параллели всегда неточны, и я не хочу сравнивать события 1917 и 1991 годов. Сто лет назад рабочее движение было совсем другого качества, у трудящихся было развитое классовое сознание. При крушении СССР казалось, что народ сам не знал, чего хотел. Если бы перемены длились хотя бы десять лет, то люди получили бы навыки кооперации, но всё произошло слишком быстро. Самоорганизация если и была, то использовалась элитами в качестве тарана для достижения своих целей.

Во время всеобщей забастовки я неделю провел на Донбассе, где общался с делегатами со всего союза. Помню, тогда многие донецкие хотели остаться с Россией, ведь на ней была плотно завязана местная экономика. Еще длительное время рабочие помнили свое положение при советской власти, и отчасти в этом можно искать причину проявления пророссийских тенденций в этом регионе 20 лет спустя, после долгого периода бедности и экономической нестабильности.

Дезориентация

Каждый май, когда в моем университете заканчивалась сессия, я на несколько месяцев приезжал в Россию. После развала Союза мы вместе с профессором экономического факультета МГУ Борисом Ракитским основали Школу трудовой демократии, которая стала главным каналом общения с рабочими. Мы пробили грант для поездки активистов в Канаду ради обмена опытом, и из 10 человек трое были из Ярославля. Этот город был самым активным – именно на Ярославском моторном заводе впервые в СССР прошла забастовка против «черных суббот», когда людей заставляли работать в свой выходной. Название закрепилось: на календаре выходные отмечались красной краской, а рабочие дни – черной.

Задачей нашей школы было освободить движение трудящихся от идеологического влияния капитала и склонности отождествлять старую систему с социализмом. Помимо меня и Ракитского, школу координировала его супруга Галина Ракитская, которая работала в Институте экономики РАН. Это были редкие представители интеллигенции, оставшиеся верными социалистическим идеалам. В девяностые все изменилось радикально, ведь случилась революция, и у всех знакомых изменилось место и статус в обществе. Как указал Маркс, бытие определяет сознание, следовательно поменялись и сами люди.

То, что новая власть была антинародной, поняли все почти сразу. Когда в 1992 году Ельцин подписал меры по «шоковой терапии», то утверждал, что весной будет легкий спад, а уж по осени – непременно рост. Как мне говорили шахтеры, это была борьба за выживание, и не было времени разочаровываться итогами борьбы. Люди хотели свободы и демократии, но не думали, что потеряют социальные блага. При этом люди не поддерживали Верховный Совет – фактически у рабочих не было никакой реакции на бомбардировку Белого дома. Только Кировские заводы выступили против.

Горбатый мост

Неверно считать 1998 год временем, когда произошла консолидация протеста – это был просто очередной, еще более массовый всплеск. Очагов типа стачек и перекрытия дорог

было много, но они были разобщены и потому неэффективны. Это была оборонительная стратегия, когда люди требовали зарплаты – когда же спустя месяцы ее выдавали, то из-за инфляции на эти деньги ничего нельзя было купить.

Неуверенность в завтрашнем дне не придавала очков в пользу коллективных действий. Рабочий класс никогда не восставал из-за куска хлеба. Восстание поднимает не нищета, вперед толкает чувство достоинства. Тогда же вместо солидарности все пытались выйти из положения индивидуальным образом. Такая психология действует до сих пор, а начавшееся повсеместное кредитование усугубляет ситуацию. Когда у тебя долги за квартиру, машину и холодильник, то как тут бастовать?

Когда Ельцин расстреливал Белый дом, то из Кузбасса направили поезд сторонников. Теперь же они сами оказались возле этих стен. Чем-то лагерь напоминал *Occupy Wall Street* – куча палаток, долгие споры по вечерам с подошедшими горожанами. Тогдашней музыкой лагеря стал монотонный перестук касок, который мне запомнился за те шесть раз, что я ходил к ним в гости. Акция у Горбатого моста была символическим жестом, который должен был спровоцировать народ на подъем и оказать моральное воздействие на власти.

Работодатели без проблем отпустили своих сотрудников к Горбатову мосту. Впрочем, потом руководство «Независимого профсоюза горняков» после длительных торгов банально предало своих. Сами шахтеры потом рассказывали, как удивились, что без всякой борьбы их выгнали и отправили по поездкам. В то же время в Ярославле родилась идея замкнуть, как они называли, огненное кольцо вокруг Москвы. Поднялись рабочие автомобилестроительных и моторных заводов. Компартия все время обещала поддержку, но когда наступил день акций, то слилась – в итоге лишь женщины на час перекрыли главную улицу. Несмотря на боевой задор рядовых активистов, компартия стала лояльной, и оказывала лишь мнимое сопротивление. В то время они надеялись на то, что пост премьера получит Евгений Примаков, которого считали своим человеком. Да, при Примакове внешняя политика стала более патриотической, но изменения неолиберального курса в экономике не произошло.

Я вовсе не удивлен, что социологические опросы фиксировали мнения, будто шахтеры – это эгоисты, которые шантажируют власти только ради своих интересов. Согласно опросам многие были убеждены, что акции были не спонтанными, а спланированными. Безусловно, если руководители освободили подчиненных ради участия в протестах, то здесь не всё так просто. У красных директоров, конечно, были свои интересы, но нельзя сказать, что это исключительно их инициатива.

У русских никогда просто так ничего не происходит – здесь всегда во всем ищут чей-то коварный замысел и не довольствуются простыми объяснениями. Но когда я в Тутаеве спрашивал, как люди живут, не получая по шесть месяцев денег, то мне отвечали: «Пашем на огороде, копим родительские пенсии и меньше едим». Очевидно, почему эти люди готовы бастовать. В Канаде, если нет зарплаты, то люди бунтуют или уходят. Но куда уйти, если во всей области нет ни одного рабочего места?

Дефолт летом того же года еще больше усугубил положение, скосив 30–50 % дохода. На подобный провал государственной политики уже никто не отреагировал, что меня удивило. У людей ведь украли ползарплаты, а все промолчали. Западные политики и МВФ подобное воровство даже поощряли. Ельцину ставят в плюс, что он развил демократические институты, но когда вы не платите денег по полгода, то что это за демократия?

Только последующее в нулевые повышение цен на нефть, а также возможность колымить – набирать частным образом заказы – в итоге скрасили положение. При этом наиболее активных выдавливали. Так, знакомый высококвалифицированный мастер по инструментам был председателем ячейки на заводе, но его рассчитали, несмотря на то, что такой опыт можно получить спустя годы. Рабочим приходится выступать не только против руководства, но и против «Федерации независимых профсоюзов России», членами которого стали

даже директора. ФНПР занимается лишь распределением отпусков и выразила свое мнение только раз, когда охранники открыли огонь по забаррикадовавшимся рабочим под Питером. Именно поэтому в России сейчас реально действующие союзы есть только у работников авиаотрасли, портов и западных автоконцернов.

Материал подготовил Дмитрий Окрест

Стояние у Горбатого моста

Поражение шахтеров в «рельсовой войне» 1998 года на страницах газет

«Рельсовая война» и стояние шахтеров у Горбатого моста стали одним из заметных и характерных событий весны и лета 1998 года. Это была массовая протестная акция в период, когда власть казалась слабой, была уже почти повсеместно нелюбимой, и, как казалось многим, любой толчок мог заставить ее рухнуть под радостные аплодисменты большинства. Однако все, что могло быть похоже на такой толчок, в итоге оборачивалось либо малоосмысленным и безопасным шумом, либо достаточно быстрыми уступками после удовлетворения минимальных экономических требований. Примерно так произошло и с шахтерскими протестами, которые в какой-то момент – после перекрытия железнодорожных магистралей – действительно создали реальную угрозу функционированию власти и экономики страны.

Сама ситуация, приведшая к началу массовых шахтерских протестов, была понятна и объяснима. Шахтерам в течение многих месяцев задерживали зарплату. К тому же в стране проходила волна закрытия неэффективных шахт, оставляющая горняков без работы. Уже в начале 1998 года ряд шахтеров проводили голодовки и предупредительные акции. Не добившись эффекта, горняки начали задумываться над более радикальными акциями. Первыми на перекрытие магистралей решились на полярном Урале.

Практически сразу акция получила свое название – «рельсовая война». Так, первая большая заметка, посвященная событиям, случившимся 13 мая в Инте и Воркуте, напечатанная в «Известиях» 16 мая (ранее – 14 мая – в газете помещалось лишь краткое сообщение о шахтерских протестах), уже называется «Шахтеры начали „рельсовую войну”». В частности, там сообщалось о волнениях в Инте: «Около полутора тысяч жителей этого заполярного города перекрыли железную дорогу Москва – Воркута в знак протеста против хронических задержек зарплаты. К протестующим шахтерам присоединились бюджетники, работники других предприятий Инты». Также «Известия» написали об «аресте» в собственных кабинетах группами протестующих шахтеров генерального директора ОАО «Воркутауголь» Виктора Экгардта и мэра Воркуты Игоря Шпектора. Именно в Воркуте, судя по сообщению «Известий», были сформулированы политические требования угольных профсоюзов о досрочной отставке Бориса Ельцина, а также о национализации угольной промышленности.

Как ни странно, о состоявшемся 15 мая перекрытии Транссиба в районе Анжеро-Судженска в материале газеты сообщалось в последнюю очередь. Возможно потому, что в Кузбассе перекрытия случались и раньше. Основным двигателем протеста воспринимался Печорский угольный бассейн. Информация же о перекрытии Транссибирской магистрали была прокомментирована при помощи классического оборота, используемого в том случае, когда корреспондент не представляет, о чем писать: «Сколько продлится начавшаяся блокада и к чему приведет новый бунт на рельсах в Кузбассе, пока предсказать трудно» («Шахтеры начали „рельсовую войну”», «Известия», 16.05.1998).

Скорее всего, особое внимание к Воркуте объяснялось также и тем, что накануне – 14 мая – в городе состоялась встреча руководителей угольных предприятий с правительственной делегацией, возглавляемой вице-премьером Борисом Немцовым, курировавшим топливный сектор, – ему вскоре предстояло стать одним из главных героев будущего многомесячного противостояния властей с шахтерами. Тогда, по сообщению корреспондентов «Известий», переговоры прошли крайне неудачно из-за жесткой позиции, занятой вице-премьером. «Б. Немцов заявил, что правительство ничего не должно шахтерам, и поэтому ника-

ких дополнительных средств из бюджета давать не будут», – писали в «Известиях». Хотя с формальной точки зрения Немцов был прав (шахты не могли получить деньги, поскольку средства за проданный уголь, как это нередко происходило в те годы, застревали у кого-то из многочисленных финансовых посредников), такую позицию угольщики – как рядовые шахтеры, так и руководители предприятий – сочли неприемлемой. Предложенные на этом же совещании Борисом Немцовым деньги на отправку детей шахтеров к местам летнего отдыха также были восприняты как несерьезная подачка (с учетом того, что долги по зарплате на многих шахтах достигали нескольких месяцев, позиция была объяснимой).

Следует обратить внимание: в период массовых уличных протестов 2011–2012 годов председатель Российского независимого профсоюза горняков Иван Мохначук, уже давно связанный с различными окол властными структурами и принимавший участие в массовых акциях в поддержку Владимира Путина, заявил, что именно жесткая позиция Немцова на переговорах в Воркуте привела к началу массовых протестов. «8 мая 1998 года я пришел к нему и сказал: „Борис Ефимович, у нас проблема: люди могут выйти на рельсы, перекрыть дороги“. – „Никуда они не денутся, выйдут, посидят и уйдут“, – это был его ответ практически дословно», – сообщал Мохначук. Статья профсоюзного лидера была опубликована в газете «Не дай Бог» – проекте, пытавшемся повторить легендарное издание 1996 года, но на этот раз направленном против лидеров «Болотного движения», некоторое время выпускаемом силами «Комсомольской правды» в 2012 году⁵.

Стоит отметить, что какое-то время в «Известиях» высказывали оптимистические прогнозы по поводу скорого прекращения «рельсовой войны». В частности, об этом писали после встречи лидеров шахтерских профсоюзов с Борисом Немцовым в Москве, состоявшейся 16 мая. На этот раз о бескомпромиссности Немцова ничего не сообщалось. Наоборот, утверждалось, что встреча прошла в конструктивном ключе, правительство пообещало отрасли определенную финансовую помощь, а профсоюзы были настроены на совместную работу (таким образом, речи об отставке Ельцина уже не шло). «Завтра-послезавтра шахтеры должны закончить „рельсовую войну“», – писала газета («Угольные проблемы частично решили», «Известия», 18.05.1998).

«Независимая газета» высказывала гораздо большую уверенность в предстоящем обострении конфликта. Возможно, это объяснялось также и тем, что тематику шахтерских протестов там в это время освещал Александр Желенин, политолог левых убеждений, занимавшийся среди прочего консультациями независимых профсоюзов (в настоящее время работает в ИА «Росбалт»). В частности, 16 мая Александр Желенин, упоминая о жесткой позиции, занятой на переговорах правительством, писал, что «правительство Кириенко-Немцова решило вспомнить о методах усмирения шахтеров их неолиберальным кумиром Маргарет Тэтчер». Однако, по мнению Желенина, младореформаторы совершенно не учли реального положения дел в России, где их действия следует считать «игрой с огнем» («Шахтеры не намерены отступать», НГ, 16.05.1998). «Значит ли это, что они готовы на применение силы в отношении горняков? – задавался вопросом Желенин. – Если они решатся на крайние меры, результат может оказаться обратно пропорционален тому, чего они ожидают». После правительственного совещания по проблемам угольных регионов, давшего «Известиям» повод для оптимизма, Александр Желенин не был склонен видеть возможности для быстрого урегулирования ситуации. «Очевидно уже, что несмотря на то, что правительство отказалось от жесткого тона общения с шахтерами и судорожно пытается изыскать средства на погашение хотя бы части долгов.... ситуация начинает всё больше выходить из-под контроля. Главным требованием... становится отставка президента. Второе требование – решение глобальных проблем отрасли с обеспечением ее жизнеспособности, то есть будущего шахтеров. И только

⁵ «По-рабочему», «Не дай Бог!» // Комсомольская правда. 2012. № 5.

третьим пунктом стоит выплата долгов по заработной плате» («Преддверие революции?», НГ, 19.05.1998). Распространение протестов, присоединение к ним угольщиков Ростовской области, кажется, не давали поводов предполагать, что ситуация будет урегулирована.

Уже 20 мая от прежних оптимистических прогнозов в «Известиях» не осталось и следа. В газете писали о разгорающейся «рельсовой войне», помещали материалы о трудностях с железнодорожным передвижением в Республике Коми и Ростовской области, где шахтеры также перекрыли трассу, а также в Сибири. В том же номере был помещен небольшой репортаж с Ярославского вокзала в Москве, на маршрутах которого перекрытие рельсов шахтерами сказывалось прежде всего. «Самые ходовые слова на Ярославском вокзале столицы: „Инта“, „шахтеры“, оскорбительные прилагательные. Возле справочных толпится народ, время от времени высылая гонцов к администрации вокзала. Под сводами Ярославского клубится с трудом скрываемая ярость», – писали «Известия» («Ярославский вокзал стал памятником „рельсовой войне“», «Известия», 20.05.1998).

Впрочем, единой линии в отношении происходящего у газеты, кажется, не было, поскольку уже 21 мая корреспондент газеты Борис Синявский в репортаже из Инты, где фактически солидаризировался с шахтерами, писал: «Увиденное в Заполярье, вести из Кузбасса заставляют думать, что шахтеры не урок преподнесли новому правительству России, но вынесли ему свой приговор. Он может оказаться окончательным и не подлежащим обжалованию. Напомню: шахтеры России имеют опыт смены политического строя страны. Они и сегодня берут всю ответственность на себя, не прячась ни за какие политические стяги». Последнее замечание относилось к эпизоду, увиденному корреспондентом в Инте, где протестующие прогнали местных коммунистов, желавших присоединиться к акции вместе со своей символикой. В репортаже сообщалось также о решении шахтеров не пропускать не только вагоны с углем, но и составы с продовольствием для Инты и Воркуты, несмотря на то, что отсутствие поставок приводило к росту цен на продукты.

Окончательно серьезность ситуации стала понятна после того, как 19 мая Конфедерация трудовых коллективов Прокопьевска постановила присоединиться к блокаде железной дороги. Это решение фактически перекрывало последнюю железнодорожную линию, связывающую Европейскую Россию и Сибирь. После этого о шахтерских протестах впервые написал «Коммерсант», ранее игнорировавший ситуацию. Заглавие материала – «Шахтеры отрезали Сибирь от России» – вполне соответствовало главной новости.

Следует учитывать, что фоном для новостей о перекрытии железнодорожных путей шахтерами в этот момент были сообщения о первых признаках кризиса на рынке ГКО, угрозе девальвации рубля, победе Александра Лебеда на губернаторских выборах в Красноярском крае, состоявшейся 17 мая и воспринимавшейся как тяжелое поражение «партии власти», а также о начавшейся в Государственной Думе процедуре по импичменту Бориса Ельцина (специальная комиссия по этому вопросу была создана 19 мая 1998 года). Кроме того, 21 мая в Махачкале депутат Государственной Думы, лидер лакского народа Надиршах Хачилаев и его брат Магомет, считавшиеся связанными с дагестанскими ваххабитами (а также занимавшиеся собственными переговорами по освобождению захваченных в Чечне заложников) при помощи оружия на сутки захватили здание Госсовета Дагестана. А важными международными новостями были вести о массовых беспорядках и погромах в Индонезии с требованием отстранения престарелого диктатора Сухарто. Ситуация в России казалась трещащей по швам. О роли шахтеров в «революционизации» общественной ситуации в 1989 году помнили многие. Мировые новости тоже подсказывали варианты действий.

Пожалуй, наиболее экзальтированно на новости из шахтерских регионов реагировала газета «Завтра». Половину первой полосы 20-го номера газеты заняли набранные крупным шрифтом лозунги: «Лимит на революции не исчерпан! Сбросим режим в шахту! Ельцин – в Москве, Сухарто – в Джакарте! В дома банкиров – по скелету! Мразь, верни наворован-

ное! Гаечный ключ системы „Калашников”». Этот голос эмоционального бессознательного, которым в газете иногда описывалась реальность, был в данном случае достаточно красноречив и вполне адекватен для описания событий.

Впрочем, власти пытались принимать меры для того, чтобы каким-то образом урегулировать ситуацию. Следует отметить, что на практике набор возможных действий был весьма ограничен, так как у правительства не было ни необходимых финансовых средств для того, чтобы погасить всю задолженность перед шахтерами и решить проблемы угольной отрасли, ни решимости или фактической возможности использовать силу против протестующих, не получающих зарплату уже несколько месяцев. Поэтому приходилось комбинировать различные доступные меры. С другой стороны, многое зависело и от готовности шахтеров «стоять до конца».

В 20-х числах мая в очаги шахтерских протестов отправляются представители правительства. Одновременно делается попытка косвенно задействовать имеющийся у властей силовой ресурс. Поскольку решения о силовом деблокировании путей принято не было, речь пошла о применении несколько других инструментов. В частности, в правительстве заявили, что деньги не доходят до шахтеров из-за преступных махинаций, и направили в регионы оперативные группы налоговых инспекторов, МВД и ФСБ для вскрытия незаконных схем. 21 мая, впрочем, расследованием законности шахтерских действий занялась Генеральная прокуратура. На следующий день президент Борис Ельцин провел встречу с Юрием Скуратовым (до мема «человек, похожий на генерального прокурора» было еще очень далеко) и побеседовал с ним о ситуации в шахтерских регионах. Против организаторов блокады путей, в том случае если, как писала газета «Коммерсант», шахтерская акция не «вызвана крайней необходимостью», решено было возбуждать уголовные дела («Шахтеров ведут на забой», «Коммерсант», 23.05.1998).

Сейчас десант налоговиков и ФСБ в регионы и ответные действия прокуратуры на протестные акции означают неизбежные крупные последствия для всех, против кого они направлены. Тогда же это была, скорее, демонстрация хоть какой-то правовой реакции. Во всяком случае, никто из участников акции, кажется, не воспринял происходящее всерьез. Люди ждали денег и кое-где требовали отставки президента. Было件нятно, что воздействовать на ситуацию можно только с помощью переговоров.

Между прочим, в конце июля, когда директором ФСБ был неожиданно назначен Владимир Путин и газеты начали судорожно искать информацию о новом назначенце и круге его предыдущих занятий, в «Независимой газете» упомянули, что на должности первого заместителя главы Администрации Президента, откуда Путин пришел в ФСБ, ему приходилось заниматься, в том числе, «такими делами, как, например, выяснение причин и выявление зачинщиков шахтерских забастовок» («Кремль укрепил свое присутствие на Лубянке», НГ, 28.07.1998).

В числе других членов правительства в переговорах с шахтерами участвовал и Борис Немцов, отправившийся 22 мая в Ростовскую область. От газеты «Коммерсант» данную поездку освещал Андрей Колесников, который, как ему давно было свойственно, старался сосредоточиться на комической стороне перекрытия дороги не получающими зарплату шахтерами и нашел для этого немало поводов. В частности, он приводит такую версию начала протестов в Ростовской области (где они начались уже как реакция на события в Инте): «Как рассказали мне потом шахтеры с „Юбилейной”, рано утром пришли они к зданию объединения „Ростовуголь”, чтобы в который раз рассказать о своем отчаянном положении. Никакой стачком сюда их не звал. Сами пришли. Они стояли у входа до полудня, но к ним так никто и не вышел. Шахтеры собрались было уходить. Тут к ним и подошли московские телевизионщики.

– Нет, так не пойдет, – твердо сказали они. – Нам сюжет пора перегонять в Москву, а перегонять пока нечего. Вон недалеко вокзал, идите туда и садитесь на рельсы. А мы снимем. Будет хороший сюжет. А то все уже бастуют, а вы нет.

Шахтеры подумали и пошли на вокзал. Так началась эта история». В остальном Андрей Колесников также пытался описать происходящее как абсурдное действие, совершаемое людьми, не понимающими, есть ли в происходящем какой-то смысл: «Четвертый день шахтеры играли в карты и лузгали семечки. Полторы тысячи человек лузгали семечки. Сильный ветер без конца подметал шелуху, и вихрь ее всё время кружил над лагерем». Он же приводил данные о том, что участники протестов с разных шахт находятся в разном положении в зависимости от активности профсоюзов. В частности, когда одни получают трехразовое питание, другие сидят на рельсах впроголодь, и солидарности между горняками разных шахт не наблюдается («Шахтеры сидели на своем до конца», «Коммерсант», 26.05.1998).

У Колесникова приводятся многочисленные детали посещения лагеря шахтеров эмиссарами разных политических сил, в частности, «Трудовой России», а также движением Льва Рохлина. Сам Рохлин, по свидетельству Колесникова, также приезжал в Ростовскую область. Впрочем, как рассказывает журналист, после того, как в результате многочисленных совещаний с региональными властями и руководителями предприятий Немцову удалось найти и перечислить шахтам часть средств, которые задолжали потребители угля, акция начала достаточно быстро сворачиваться.

Директора шахт также принимали участие в переговорах и фактически выступали посредниками между протестующими и правительством. Колесников приводит, в частности, такой диалог между работниками шахты «Западная-Капитальная» с директором шахты Николаем Лазаревым:

«– Мужики, забудьте о деньгах за 96-й год, – сказал директор. – Не даст. Забудьте, а? А за 97-й можно побороться. Тем более за 98-й. Тем более, что тут все свои, журналистов нет (я к этому времени провел с шахтерами уже целый день и, видимо, не сильно от них отличался. – А.К.). Ну что, сильно много нам должны, что ли? Понемногу давали практически каждый месяц, как и всем. Переговоры – это всегда торг. Вот и давайте торговаться. У него, мне кажется, еще немного денег в запасе есть. Он, говорит, нашел 174 миллиона. Но я чувствую – еще есть! Надо вытрясти. Так что вы пока тут стойте. А потом, может, и хватит, мужики. А?

– Может, и хватит, – сказал кто-то неуверенно.

– Не хватит! – вскочил с лавки молодой парень. – У меня пять миллионов накопилось с 96-го года.

Мне их жалко! Пускай всё до копейки возвращает.

– Я чего боюсь-то, мужики, – перешел на громкий шепот директор. – Вы знаете, тут рядом дивизия „Дон” стоит.

– Знаем, – осторожно сказали мужики.

– Если не пойдём ему навстречу, он объявит чрезвычайное положение, приведет дивизию, разгонят – и не видать нам и этих денежек, а денежки не такие уж маленькие, нам, по секрету скажу, больше всех дали» («Шахтеры сидели на своем до конца», «Коммерсант», 26.05.1998).

По сообщению Колесникова, через некоторое время директора всех шахт, участвующих в протесте, приехали к своим шахтерам уговаривать их покинуть пути: «Больше денег Немцов не достанет, похоже, выложился до конца. Если не уйдете, отнимут и это. А то и пострадать можно, дивизия-то, как известно, рядом». Поскольку на некоторых шахтах действительно начали выдавать задолженность, то постепенно протестующие начали расходиться и, в конце концов, блокада путей была снята.

При всей возможной предвзятости Колесникова ясно, что, несмотря на радикальность лозунгов, среди которых фигурировали отставка президента и правительства, фактически рядовые участники готовы были удовлетвориться простой выплатой хотя бы части задолженности. Тем не менее в российских условиях тех лет даже эта проблема требовала принятия чрезвычайных мер. Потенциальная возможность применения силы со стороны властей, судя по всему, тоже учитывалась, однако и в этом случае шахтеров приходилось пугать стоящей где-то недалеко армейской дивизией. То есть всем было ясно, что задействовать в разгоне шахтеров милицию не удастся.

Одновременно с Немцовым в другой протестный регион – Кемеровскую область – отправился вице-премьер Олег Сысуев, а в Коми, где также проводились совещания и решался вопрос о выделении финансирования шахтерам, – министр экономики Яков Уринсон.

К переговорам Олега Сысуева с кузбасскими шахтерами относится эпизод, вошедший в книгу воспоминаний Бориса Ельцина: «...Вице-премьер Олег Сысуев, отвечавший за социальные вопросы, метался из одного региона в другой, почти не глядя подписывал любые соглашения, лишь бы договориться. В одном из таких подписанных им документов я с удивлением обнаружил пункт о том, что да, правительство согласно с тем, что Ельцин должен уйти в отставку. Конечно, юридически этот договор был нелепым, я попросил сохранить его как историческую ценность. Но вместе с тем было понятно: правительство находится уже почти в невменяемом состоянии»⁶. Подписанная Сысуевым бумага, по-видимому, дала много поводов для разговоров во властных кругах. Во всяком случае, сам Олег Сысуев упоминает эту историю в своих воспоминаниях о Немцове, при этом, по его словам, именно Немцов любил рассказывать об этом случае, придумывая многочисленные подробности. «И у Бориса потом была любимая легенда, что я, якобы, подписал условия освобождения Транссиба в Анжеро-Судженске, но одним из пунктов была отставка президента Ельцина. И что, якобы, злой [кемеровский губернатор Аман] Тулеев – Боря очень красочно всё это всегда рассказывал – завел меня в темную шахту вместе с какими-то бородатыми шахтерами и угрозами заставил подписать этот документ. Я никогда не опровергал это, хотя всё было не совсем так», – говорит Олег Сысуев⁷.

Впрочем, это действительно весьма красноречивый эпизод, свидетельствующий о том, насколько ответственно власти относились тогда к подписываемым документам (а равно и о том, насколько люди действительно собирались бороться за свои требования).

Следует заметить, что Кемеровская область, где оказался перекрыт Транссиб в это время, уже возглавлялась Аманом Тулеевым, считавшимся оппозиционно настроенным по отношению к действующей власти. Однако к радикальным шахтерским протестам Тулеев отнесся с недоверием и скепсисом. 20 мая в Кузбассе была объявлена чрезвычайная ситуация. Тулеев постоянно подчеркивал, что блокада железных дорог ударяет по предприятиям региона, и явно не собирался солидаризироваться с шахтерами.

О позиции Тулеева можно судить, в частности, по публикациям журналистки Аллы Головановой в Кемеровской газете «Левый берег». Алла Голованова в течение многих лет писала восторженные статьи о Тулееве и даже опубликовала их отдельным сборником. В одной из статей периода майской «рельсовой войны», которую можно считать высоким образцом провинциальной прогубернаторской публицистики тех лет, есть такой пассаж: «Кто сегодня убивает свою малую родину – Кузбасс? Мы. Кому станет плохо от того, что умрут домны в мартеновских цехах, останятся заводы и фабрики, перестанут ворчать на

⁶ Ельцин Б. Н. Президентский марафон. М., 2000, С. 208.

⁷ Олег Сысуев: «Их разрыв с Путиным начался с ареста Ходорковского» // Republic. URL: <https://republic.ru/special/nemtsov/sysuev> (дата обращения 30.03.2017).

полях трактора? Нам... Не Ельцин и бестолковые реформаторы хрипят от удушения, а мы – кузбассовцы, ждущие милости от Москвы, пугающие ее самоубийством»⁸.

«Скоро в ход пойдет кнут, – писала автор. – Первый удар примет на себя не Петров из Анжерки, не Сидоров из Юрги, а губернатор Аман Тулеев, одно имя которого вызывает у московской номенклатуры серьезное недоумение». Среди прочего в статье Головановой постоянно подчеркивается мысль о «подачке», привезенной шахтерам из Москвы вместо денег за приватизированные шахты, которые, по мнению Тулеева, несправедливо оказались выведены из региона⁹. Между прочим, это совпадает с одним из важных тезисов Тулеева в период «рельсовой войны», когда он подчеркивал, что проблемы Кузбасса решит повышение самостоятельности региона¹⁰. Так или иначе, у губернатора было явно свое видение ситуации, и он собирался добиться от федеральных властей выгодных ему политических уступок. Блокада Транссиба же никак не входила в его интересы. Это объективно превращало Амана Тулеева в хоть и сложного, но потенциального партнера властей в разрешении ситуации. Комментируя ситуацию для газеты «Новые известия», Аман Тулеев формулировал свою позицию так: «Я понимаю людей. Но ведь я тот же, что был в 1991 г., – я по-прежнему ненавижу любой развал, всё, что добывает нашу экономику. Как не понять: это как раз на руку нашим недругам, всем, кто хочет ввести внешнее управление Международного валютного фонда не только в России (тут оно уже давно действует), но и в регионах». Также он пояснял: «Почему я решил в мае ввести чрезвычайное положение в области? Так ведь уже выдвигались требования: отключим холодную воду, электроэнергию! Ну, не абсурд? При чем здесь дети, при чем старики... Я им говорю: езжайте туда, откуда вся беда, и отключайте, что хотите, отключи Кремль, Дом Правительства – это будет подвиг, а что ты своим же жизнь добиваешь. Кроме того, скопилось много вагонов с опасными, ядовитыми грузами»¹¹.

Хозяйственник в Тулееве в конечном итоге оказался сильнее оппозиционера, выступающего за смену режима. Впрочем, довольно сложно утверждать, насколько сами шахтеры действительно были «революционной силой». Радикальные лозунги об отставке президента, а также перекрытие рельсов были, в принципе, всего лишь способом добиться узко практических целей – выплаты зарплаты за выполненную работу. Они достаточно настороженно относились к попыткам использовать протесты со стороны политических сил: как можно понять из репортажей, представители различных оппозиционных сил, например, КПРФ или «Трудовой России», встречались с шахтерами и иногда принимали какое-то участие в жизни шахтерских лагерей у железных дорог, однако полной солидарности с ними шахтеры не проявляли.

По мере того, как масштабы акции были осознаны, поддержать шахтеров решила Федерация независимых профсоюзов России, наиболее лояльная властям профсоюзная организация. 22 мая на Генеральном совете ФНПР было объявлено о начале сбора средств для помощи протестующим, а также о поддержке требований объявления импичмента Борису Ельцину. Впрочем, последнее, скорее, происходило в рамках поддержки думской оппозиционной повестки, продвигаемой в то время силами КПРФ. В это же время состоялось обновление руководства политического отделения ФНПР – партии «Союз труда», которую в эти дни возглавил Андрей Исаев. Александр Желенин, писавший о происходящем в руководстве ФНПР для «Независимой газеты», выражал уверенность в том, что на волне радикализации снизу у ФНПР и «Союза Труда» есть все возможности стать аналогом

⁸ Голованова А. Рельсовая война // Голованова А. О времени, о людях, о Тулееве. Кемерово, 1999. С. 180.

⁹ Там же. С. 177, 180.

¹⁰ См. в частности: Соловейко И. С. «Рельсовая война» в Кузбассе к 1998 г.: этапы, особенности и результаты. // Вестник Томского государственного университета. 2010. № 3 (11). URL: <http://sun.tsu.ru/mminfo/000063105/his/11/image/11-103.pdf> (дата обращения 30.03.2017).

¹¹ Тулеев А. Россия у нас одна. М., 1999. С. 14.

лейбористской партии в российской политической системе («Нелояльные профсоюзы», НГ, 23.05.1998). Впрочем, как показали дальнейшие события, это стало лишь путем к будущему созданию партии «Отечество», а позже – «Единой России».

Газета «Завтра» спустя некоторое время после начала «рельсовой войны» тоже начала выражать беспокойство за ее последствия. В передовице Александра Проханова в 21 номере газеты было написано следующее: «Неделю, пока длятся шахтерские бунты и разорваны железные дороги, связывающие страну в единое целое, Россия живет, как конфедерация, отдельными кусками, с несуществующим Центром, и это репетиция распада России»¹². Проханов писал о желании неназванных «банкиров» использовать шахтерские протесты и предполагал, что скрытая цель происходящего – попытка превратить Россию в конфедерацию с максимально ослабленным центром. Таким образом, постепенно представители разных политических сил находили свои причины, чтобы критично высказываться о происходящем или подозревать тайные механизмы, приводящие протест в движение.

Одновременно шахтеры подвергались критике по центральным каналам и в части федеральной прессы, основным посылом которой были проблемы, создаваемые перекрытием дорог всей национальной экономике.

Как бы то ни было, первые усилия властей, приезд министров в регионы и начало выплат, а также обещание дополнительных денежных средств вскоре привели к разрешению ситуации. Уже 24 мая шахтеры очистили рельсы во всех регионах страны. В этом смысле вряд ли приходится говорить о том, что участники протестов действительно ставили далекие планы по обязательной смене власти.

Впрочем, вскоре требования об отставке президента вновь появились среди шахтерских лозунгов. Однако на этот раз сам протест принял хоть и отчасти яркую, но достаточно безопасную форму. Шахтеры разбили лагерь у Дома Правительства на Краснопресненской набережной и начали многомесячную акцию у ограды правительственной резиденции на Горбатом мосту. Акция началась 11 июня с приезда в Москву шахтеров из Воркуты, представляющих Независимый профсоюз горняков. Если судить по репортажу «Известий» от 16 июня 1998 года «Московская лава оказалась пустой», появлению шахтеров у Горбатого моста предшествовала демонстрация, во всяком случае, отмечается, что горняки прошли от Ярославского вокзала до Белого дома «стройными рядами». Об этом сообщал автор материала Петр Брантов, проведший один день в лагере шахтеров. Также в репортаже Брантова рассказывается и о поддержке, оказанной шахтерам мэром Москвы Юрием Лужковым: «В этот день знакомый с народными чаяниями московский мэр послал шахтерам пирожки и квас из „Русского бистро“». Про пирожки и помощь московского мэра упоминается не один раз. В частности, мэрия поставила на территории лагеря мобильный туалет, а также прислала цистерну воды для гигиенических процедур. По поводу присланных туалетов Брантов приводит следующий диалог шахтеров:

«— Ты смотри, когда их привезти-то успели? Автоматические, наверное, – весело говорил один горняк другому. – Ага, автоматические, – приседая и прыскавая в кулак, отвечал тот. – Там кнопка такая есть. Нажимаешь, говоришь: „Лужкова – в президенты“. И дверь открывается».

В общем, практически с первых дней было понятно, что у протеста есть свои покровители, готовые использовать шахтерский лагерь у Дома Правительства в своей борьбе перед уже приближающейся схваткой за президентское кресло.

Шахтеры при этом дистанцировались от политических партий. Брантов рассказывает о том, как участники акции фактически прогнали лидера «Трудовой России» Виктора Анпилова, принесшего в лагерь ящик пива «Очаковское» (упоминание брендов в газетных ста-

¹² Бутон революции. Цветок катастрофы // Завтра. 1998. № 21.

тях в то время не запрещалось), и «Анпилов, с трудом волоча ящик, ушел куда-то к Красной Пресне». Главными требованиями участников протеста при этом были отставка президента и национализация угольной отрасли. Правительство изначально заняло позицию, которая не предполагала обсуждения политических лозунгов. Шахтеры же отказываться от них не собирались. А значит, протесты в подобной форме могли продолжаться очень долго.

Вскоре к воркутинским шахтерам присоединились товарищи из других регионов, а также другие профсоюзы, в частности, «Росуглепро» и «Защита». В целом, лагерем стояло около 300 горняков из разных регионов, при этом участники протестов периодически сменялись, приезжая в Москву своеобразными вахтами.

17 июня представители шахтерского лагеря выступили в Госдуме, заявив, что главное их требование – именно отставка президента («Шахтер в Думе», НГ, 18.06.1998). «Независимая газета» сообщала о том, что шахтеры были приглашены в парламент фракцией КПрФ. Таким образом, горняки присоединились к стартовавшей в Думе по инициативе коммунистов кампании за импичмент президента (изначально почти безнадежной, учитывая сложность процедуры, прописанной в Конституции, но обеспечивающей некоторый элемент давления на власть в течение нескольких месяцев).

Неожиданно 23 июня акция по перекрытию Транссиба состоялась у его конечного пункта во Владивостоке. В акции участвовали приморские шахтеры, а также учителя, медики и ученые. Примечательной особенностью приморской акции было требование «Вся власть Совету Федерации», которое оказалось среди лозунгов протестующих наравне с требованием выплаты задолженности по зарплате, а также непременным призывом к отставке Ельцина. Сложно сказать, чем объяснялось появление этого лозунга, однако стоит заметить, что губернатор Приморья Евгений Наздратенко отзывался об акции достаточно сочувственно («Вся власть Совету Федерации», НГ, 24.06.1998).

24 июня лидер Независимого профсоюза горняков Александр Сергеев объявил о выходе из Президентского совета, открыто призвав Ельцина подать в отставку. Таким образом, один из профсоюзов, участвующих в акции, сделал радикальный выбор. Примечательно, что 27 июня в «Независимой газете» Александр Желенин писал о том, что шаг Сергеева вызвал раскол в профсоюзной среде, и приводил «намекы», высказываемые Андреем Исаевым, о том, что сама акция у Горбатого – результат «взыгравших амбиций господина Сергеева», а сама акция, возможно, спонсируется кем-то из олигархов («Политические разногласия шахтерских лидеров», НГ, 27.06.1998). Желенин при этом не стал однозначно отрицать возможность такой поддержки, утверждая лишь, что рядовые шахтеры ставят собственные цели вне зависимости от игр олигархов.

Сами рассуждения на эту тему в «Независимой газете» выглядят достаточно интересно с учетом того, что в негласной поддержке акций шахтеров в это время обвиняли Бориса Березовского, которому принадлежала «Независимая газета». В частности, о том, что именно Березовский спонсировал акцию шахтеров на Горбатом мосту, пишет Борис Немцов в своей книге воспоминаний¹³.

Стоит заметить, что вскоре к самой акции, проходящей на Горбатом мосту, газеты потеряли особенный интерес. В частности, «Независимая газета» писала о радикализации позиций профсоюзов, в том числе до тех пор достаточно лояльной властям ФНПР. В частности, в июле ФНПР объявила о подготовке всероссийской забастовки, намеченной на октябрь, при этом ФНПР собиралась обойти прописанный в законе запрет на политические забастовки, планируя параллельное выдвижение политических требований связанной с ФНПР партией «Союз Труда», которую тогда возглавлял Андрей Исаев («Профсоюзы как оппозиция оппозиции», НГ, 14.07.98). Профсоюзы планировали играть в собственную игру, и

¹³ Немцов Б. Н. Исповедь бунтаря. Глава V. История престолонаследия в современной России. М., 2007.

лагерь у Белого дома превращался, скорее, в символ. Он не представлял опасность сам по себе, не был достаточно ярким или многолюдным, чтобы привлекать внимание. По новостям показывали кадры с шахтерами, регулярно стучащими касками по Горбатову мосту. Но кадры эти вскоре примелькались.

Один из участников пикетов – шахтер из г. Копейска Челябинской области – оставил обширные воспоминания о лагере пикетчиков на Горбатов мосту. Сам он упоминает о том, что цели стояния лагерем были не вполне определенными: «Правительственные СМИ, как правило, занимались одним: поиском сюжета для осмеяния и очернительства Пикета на Горбатов мосту. „Левые” же, оппозиционные правительству издания, старались освещать в печати Пикет объективно, но и сами не понимали, какие цели преследует Пикет и шахтеры Пикета. Самым странным было то, что все назначенные старшими групп пикетчиков и входящие в Координационный Совет Пикета, ежедневно проводя совещания, не только не облегчали, но даже ухудшали обстановку на Пикете.

– Что решили на Совете? – обычно спрашивали пикетчики у своего, назначенного старшим группы товарища, когда тот возвращался с очередного ежедневного заседания.

– Ничего, – обычно отвечал старший или рассказывал, какая группа покидает Пикет и уезжает домой, но, возможно, из какого региона на Пикет ожидается новая группа пикетчиков.

– Что нового в регионах и дома? – спрашивали пикетчики.

И старший группы опять обычно повторял: „Ничего”»¹⁴.

В воспоминаниях Бармина приводятся некоторые подробности отношений пикетчиков с оппозиционными партиями. В частности, по его словам, большую поддержку оказывала «Трудовая Россия». Несмотря на то, что в первые дни пикета Виктор Анпилов, как уже упоминалось, был вместе с ящиком пива изгнан за пределы лагеря, позже отношения наладились.

«Да и как было дистанцировать шахтеров от политики и от партий, если в течение двух месяцев Пикета (я описываю события которым сам очевидец) шахтеров обслуживал микроавтобус „Рафик” от „Трудовой России” В. И. Анпилова, который по несколько раз в день возил шахтеров мыться под душем, сначала на заводе "Рассвет", что на улице Красная Песня, а несколько раз в гостинице "Россия", – пишет Виктор Бармин. – Благодаря этому „Рафику”, часть шахтеров смогла даже искупаться в реке Москве в один из редких солнечных дней. Часто на этом же „Рафике” в Пикет привозили и продукты питания, и одежду, и табак, собранные по московским организациям, поддерживающим пикетчиков в их требованиях»¹⁵.

Также, по словам Бармина, помощь оказывали рядовые члены и районные организации КПРФ и ряда других коммунистических партий, а также НБП. Он же упоминает, что приехавшего в лагерь с полевой кухней Владимира Жириновского шахтеры прогнали.

Судя по воспоминаниям Бармина, шахтерский лагерь постепенно становился местом притяжения как разного рода политических активистов и просто оппозиционно настроенных москвичей, так и религиозных проповедников различных сект и конфессий и просто городских сумасшедших: «Все они не только не побрезговали, но даже мечтали отметиться на нашем Пикете с подробными разъяснениями наших (пикетчиков) заблуждений и еще более подробнейшими советами от Космического Разума, которые надо неукоснительно исполнять во избежание всевозможных бед... и прочее, и прочее. Далее, обычно в течение полутора часов, шел рассказ, какие беды подстерегают всю будущую историю, само

¹⁴ Юрий Бармин. Горбатый мост или... // Проза.ру. URL: <https://www.proza.ru/2011/02/13/767> (дата обращения 30.03.2017).

¹⁵ См. сноску 10 на стр. 50.

будущее, Время, Пространство и всю Вселенную, которая из-за наших неправильных действий провалится в „черную дыру“, которая в свою очередь окончательно „захлопнется“, так как тоже провалится в „астрал“. Хорошо помнится одна из таких ясновидец. Это была, так и хочется написать, „малоухоженная“ женщина 25–30 лет с полностью отсутствующими зубами и с "теньями" под одним глазом от еще не до конца сошедшей гематомы. Проще говоря, с синяком под глазом. Как я вежливо не пытался отстраниться от ее предсказаний ближайшего и глобального ясновидения, но и мне, на мою голову, пришлось выслушать ее ясновидческие способности с прогнозом ближайшего будущего России:

– Всё будет хуже, всё будет гораздо хуже! – не уставала твердить она всем на Горбатом мосту и так понятные истины. Конечно, всё это было не более, чем кликушество полностью отчаявшегося в жизни человека. Я даже несколько шутя пытался ее утешить, опровергая ее ясновидение.

– Но, ведь олигархи живут хорошо, как и кремлевские наши благодетели, – говорил я.

– Нет, нет, нет! – заученно продолжала ясновидящая, – Вы здесь, и им тоже плохо. Им тоже будет хуже... но и Вам гораздо хуже»¹⁶.

Для полноты картины стоит добавить, что в июне выступать перед горняками приезжал Иосиф Кобзон. Иными словами, жизнь в лагере проходила примерно по тому же сценарию, что и все протесты, получившие в последующем модное название «Оккупай», притягивая активистов и городских сумасшедших и постепенно теряя какой-то формулируемый смысл существования. Что, впрочем, не мешало политикам использовать лагерь для своих целей. Московские власти регулярно продлевали сроки акции, явно не имея ничего против того, чтобы шахтеры стучали касками напротив резиденции правительства Сергея Кириенко¹⁷. И требуя отставки президента – напомним, что это оставалось единственным неизменным требованием пикетчиков.

«Всё вокруг шахтеров было настолько спокойно, я бы сказал лениво, что явно никто не собирался поддерживать их протест. Но за шахтерами, уныло сидевшими на Горбатом мосту, стояла огромная сила: озлобившиеся шахтерские регионы, начавшие „рельсовую войну“ с правительством», – пишет в своих мемуарах Борис Ельцин¹⁸. Иными словами, если оценки Ельцина действительно отражают настроения тех дней, власти относились к происходящему с некоторой опаской. Возможно, воспоминания о забастовках 1989 года действительно заставляли видеть в любых шахтерских протестах потенциально серьезную угрозу.

В июле на Кузбассе случился новый эпизод «рельсовой войны», также с требованиями отставки президента. Однако в этом случае дорога не перекрывалась намертво, акция не была поддержана в других регионах, и вместе с приездом представителей правительства, а также под давлением губернатора Амана Тулеева ситуацию в целом удалось разрешить.

В своих воспоминаниях Борис Немцов рассказывает о своем первом столкновении с Владимиром Путиным, связанном именно с проведением совещания о путях разблокирования железной дороги: «Я как вице-премьер руководил комиссией по урегулированию ситуации. Собрал экстренное совещание, пригласили всех силовиков. Все пришли, кроме директора ФСБ Владимира Путина... Путин позвонил и сказал, что он прийти не может, потому что у него заболела собака. Я был в шоке и долго не мог прийти в себя»¹⁹.

Впрочем, стоит учитывать, что Путин был назначен директором ФСБ лишь в конце июля, когда ситуация с перекрытием дорог стабилизировалась, так что, возможно, Нем-

¹⁶ См. сноску 10 на стр. 50.

¹⁷ На тот момент мэр Москвы Юрий Лужков планировал баллотироваться в президенты и мог сознательно способствовать продлению акции.

¹⁸ Ельцин Б. Н. Президентский марафон. М., 2000. С. 208.

¹⁹ Немцов Б.Н. Исповедь бунтаря. М., 2007. С. 54.

цов говорит об экстренной майской ситуации с перекрытием дорог в нескольких регионах страны. Путин, впрочем, мог принимать участие и в майском совещании, так как занимался вопросами забастовок в Администрации Президента. Как бы то ни было, но Немцов запомнил обиду, нанесенную ему Путиным именно в связи с совещанием о шахтерской проблеме.

В результате краха российской биржи и последовавшего за ним объявления Россией фактического дефолта по ГКО 17 августа 1998 года страна должна была решать проблемы, отодвинувшие шахтеров на второй план. Во всяком случае присоединяться в требованиях отставки президента именно к шахтерам в этот момент, кажется, никто не захотел.

Шахтерский лагерь стал одной из декораций для сцены отставки правительства Сергея Кириенко, состоявшейся 23 августа. Тогда сам Сергей Кириенко вместе с Борисом Немцовым вечером уже после отставки решили зайти в лагерь к шахтерам. Причем Борис Немцов взял с собой бутылку водки. Впрочем, никакого задушевного разговора не получилось, пить с бывшими членами правительства шахтеры отказались. Тем не менее символическая и визуальная связь Бориса Немцова с шахтерами дополнительно закрепились.

Формально лагерь продолжал функционировать вплоть до октября – когда правительство уже возглавлял Евгений Примаков. Впрочем, осмысленность акции стала, очевидно, теряться. Официально организатор пикета – Независимый профсоюз горняков – объявил об окончании акции 3 октября. Но какая-то жизнь в лагере теплилась еще до середины месяца.

Шахтерские акции, безусловно, стали одним из фонов в целом богатого на кризисные события 1998 года. Впрочем, несмотря на многомесячное выдвижение требований отставки президента, едва ли можно говорить о действительной опасности этого движения для властей. Фактически по-настоящему радикальные действия по полному перекрытию путей в разных регионах страны шахтеры предприняли всего лишь на несколько дней в мае и быстро сняли акцию после получения части задолженности по зарплате. Требования же отставки Ельцина к 1998 году превратились в некоторый обязательный набор политических лозунгов многих оппозиционных сил, и шахтеры не сказали здесь чего-то принципиально нового.

Нельзя исключать и того, что сама акция действительно поддерживалась кем-то из тех, кто в эпоху позднего Ельцина уже начал задумываться о будущей неизбежной смене власти. Во всяком случае, активность профсоюзного руководства в это время явно походила на начало сложных политических игр (в итоге приведших в том числе к созданию «Отечество – Вся Россия», одного из претендентов на власть в постельцинской России).

Сам же шахтерский лагерь действительно отчасти напоминал акцию «Оккупай» (если бы его организаторы могли об этом знать) – правда, с гораздо более неустроенными и злыми участниками и несколько другим характером городского сумасшествия вокруг. Впрочем, этим девяностые годы и отличались от десятых.

Станислав Кувалдин

#USSRCHAOSSS_politics

Период полураспада: хроника ускорения

Основатель «Яблока» Вячеслав Игрунов о роли диссидентского движения

Трансформация Советского Союза была позитивно воспринята диссидентами, которые еще с 1950-х открыто выражали свои политические взгляды, существенно отличавшиеся от господствовавших. Общей протестной идеологии не существовало – диссидентами считались либералы, националисты, религиозные группы и коммунисты, считавшие искаженными в СССР принципы марксизма. Начало движения несогласных обычно связывают с судебным процессом над писателями Даниэлем и Синявским в 1965 году и протестом против ввода войск в Прагу в 1968 году. В конце 1960-х годов 45 % всех инакомыслящих составляли ученые, 13 % – инженеры и техники. Для противодействия было создано Пятое управление КГБ по борьбе с «идеологическими диверсиями» – всего по статьям об антисоветской деятельности в 1956–1987 годах осудили 8145 человек.

О роли диссидентов в революционную пору рассказывает Вячеслав Игрунов, в прошлом – создатель первой в СССР библиотеки неподцензурной литературы, зам-председателя партии «Яблоко» и депутат в 1994–2003 годах. За активность КГБ наградила Игрунова диагнозом «вялотекущая шизофрения» и запретом на высокооплачиваемые работы.

Будучи антисоветчиком, я думал о трансформации строя. Но я точно знал, что никакие перемены невозможны снизу – нет той самоорганизации людей, которая могла бы повлиять на ход событий. Когда я занимался подготовкой к революции против советского строя, то был глупым мальчиком. Чем больше учился, тем больше видел, что революция отбрасывает общество назад. Да, иногда она решает некоторые вопросы позитивно, но в целом баланс отрицательный. Я перестал любить революцию, но, разлюбив ее, хотел собрать команду интеллектуалов ради модернизации. Со временем я понял, что возможности реформ зависят от первого лица в государстве, и поэтому внимательно следил за переменами во власти. Сначала в воздухе витала надежда, что сразу после смерти Юрия Андропова в восемьдесят четвертом году на место генсека выберут молодого Михаила Горбачева, но предпочли опять старика.

Когда Горбачева назначили, мы радовались, но как послушал его, так разочаровался. Через некоторое время же, несмотря на реформистские тезисы ускорения, началось неприемлемое – борьба за дисциплину и с алкоголизмом.

Андропов пробовал уже такое и отказался, однако Горбачев наступал на те же грабли. Резко ограничили продажу спиртного, вырубали виноградники, по парикмахерским и баням искали прогульщиков. Я работал старшим мастером, и политика ускорения на моем заводе точного оборудования проявилась в том, что квалифицированные рабочие делали ключи для консервных банок.

Я не занимался публичной критикой, сосредоточившись на выработке программы реформ. После освобождения работал садовником, почтальоном и сторожем, прежде чем сумел устроиться техником-экономистом. Арестован я был в семьдесят пятом году. Начало

следствию дали показания Глеба Павловского²⁰, который оказался не готов к допросам в КГБ. Но, пережив потрясение, он пришел ко мне и принял стратегию поведения, которую я ему предложил. Он твердо выдержал линию поведения, и никаких претензий по этому эпизоду у меня к нему нет. Любой человек слаб и может оступиться, но если есть осознание вины, то нельзя ставить клеймо. Позже Глеб легко вошел в диссидентскую среду, хотя, с точки зрения моральных требований, некоторые считали, что он вел себя так себе.

В восемьдесят шестом Горбачев после встречи с Миттераном дал с ним совместную пресс-конференцию. Барская уверенность Горбачева при общении с советской прессой неожиданно сменилась нервозностью и желанием объясниться. Мне показалось, что он искренне переживает за страну. Тогда я решил оставить в Одессе жену с детьми и попытаться что-то сделать в Москве. С осени восемьдесят шестого я регулярно ездил в столицу. В то же время Павловский пролоббировал выпуск моей статьи в журнале «Век XX и мир», хотя я был уверен, что такого антисоветчика никто не опубликует. После публикации сразу несколько изданий предлагали работать журналистом.

Памятник жертвам Сталина

В мае восемьдесят шестого через Павловского я втянулся в деятельность неформальных клубов. Для себя я видел задачей создание интеллектуальных центров реформ. Но понимания в Москве я не нашел. В июне восемьдесят седьмого встретились с Юрием Самодуровым²¹, вернувшимся из экспедиции в Казахстан, где он работал геологом. У него была идея добиться от властей памятника реабилитированным жертвам сталинских репрессий со скрипторием, куда каждый год пионеры под барабанный бой будут помещать реабилитационные списки.

Я же полагал, что мы вползали в революцию и нужно быть готовыми: организовывать единомышленников и продумывать программу реформ. Чтобы появился памятник, считал я, необходимо организовать исследовательский центр и пересмотреть историю страны. Тогда сменятся ценности, и можно будет влиять на общественное мнение. Иначе поставят памятник, а всё останется по-прежнему – мало ли у нас памятников, мимо которых проходят. Поставить памятник реабилитированным жертвам – это не сделать ни шага вперед.

Мне отвечали, что КПСС вообще не даст ничего сделать. Мою декларацию в «Мемориале» посчитали слишком радикальной и ее даже не зачитали на конференции неформалов. Тогда я распространил свое предложение среди активистов – тему подхватили, группа сторонников памятника переименовалась в «Мемориал», стали выходить на сбор подписей.

В восемьдесят восьмом создали оргкомитет, куда вошли люди из журнала «Огонек», «Литературной газеты», Союза архитекторов, Союза художников и Союза кинематографистов.

Нам препятствовали в регистрации, задерживали при сборе подписей, закрыли расчетный счет. Самодуров и Лев Пономарев²² убеждали, что не нужно действовать без ЦК, а я противился такому контролю – меня поддержал академик Андрей Сахаров, впавший в опалу

²⁰ Российский политолог, директор работавшего над президентской кампанией В. Путина «Фонда эффективной политики», до 2011 года – советник руководителя Администрации Президента. В 1974 году задержан за распространение «Архипелага ГУЛАГа», в 1982 году сотрудничал со следствием после обвинения в издании журнала «Поиски». В 1990-е годы занимался журналистской деятельностью, в 1995 году основал «Фонд эффективной политики». «Советский Союз для меня был продуктом компромисса реальной политики и социального идеализма, которым я никак не хотел пожертвовать. Для меня советское общество – это было общество равных. В этом был некий смысл всей остальной политики. Иначе зачем мы этим занимаемся, если исчезает социальное равенство и империя знания, образованности?» – вспоминал Павловский в 2005 году.

²¹ В дальнейшем – директор Музея Сахарова.

²² В дальнейшем – депутат Госдумы.

создатель советской водородной бомбы. Из-за давления ЦК часть официоза из оргкомитета грозилась уйти, если мы проведем учредительный съезд. В итоге оказалось, что организовать независимо от власти движение против тоталитаризма проще, чем добиться от государства воздвижения памятника.

Западные фонды

В то время деньги мне удавалось зарабатывать двумя способами. Помогал тиражировать литературу через свою организацию «М-БИО», создавшую неформальную альтернативу «Союзпечати». Заказы также получал и от Людмилы Алексеевой²³, затем их направляли в прибалтийские типографии.

Во-вторых, приезжали американские леваки, желавшие познакомиться с СССР. Этих революционных туристов я возил от Одессы до Таллина. Раньше возможности свободно прокатиться у иностранцев не было, а они мечтали увидеть колыбель революции и надеялись, что будет новый социализм. Я организовал всю турпрограмму – в итоге заработал на квартиру.

В восемьдесят восьмом году я ходил с идеей создать структуру для адаптации неизбежных после крушения Союза беженцев. Я полагал, что идет революция и, хотя Бастилия еще не взорвана, заряды уже заложены. Я уже тогда считал, что крах СССР реален, а потому не надо подталкивать к необдуманным реформам. Но мне никто не верил – беженцы армяно-азербайджанского противостояния казались обществу эпизодом. Из-за возможного краха государства я боялся, что хлынут огромные потоки русскоязычных. Нечто аналогичное случалось при распаде колониальных систем Англии и Франции. В восемьдесят девятом году я разочаровался в той элите, на которую делал ставки, – ив Горбачеве, и в новых демократах. Пытался собрать молодежь и содействовать возникновению новой политической элиты, но времени для этого не было. Процессы в революции идут слишком быстро – надо работать с теми, кто есть.

В тот же год американский финансист Джордж Сорос пригласил меня в фонд «Открытое общество» возглавить программу «Гражданское общество». Для начала дал 100 тысяч долларов, и я сам написал заявки на все проекты – Московскую школу политических исследований, Высшие социологические курсы, правозащитную группу «Мемориал», группу поддержки беженцев, о которой я мечтал.

Грант обеспечивал техникой: купленный ксерокс дали в пользование «Литгазете», которая предоставила комнату для собраний и сбора вещей для беженцев. Здесь же комитет нарекли «Гражданским содействием». Мы занимались помощью пострадавшим, госполитики в отношении беженцев не существовало. Помимо Сороса, помогали французы и швейцарцы – слали и деньги, и гуманитарку.

Также программа «Гражданское общество» поддерживала газеты и интеллектуальные центры по всему Союзу – в Киеве, Ташкенте, Ереване, Новосибирске, Крыму, Саратове, Донецке, Риге. В конце девяносто первого года Сорос сказал, что раз демократия победила и Егор Гайдар во главе российского правительства, то надо сотрудничать с ними. Я отказался – считал, что нужно опираться на низовую активность. К тому же мне не нравилось начавшееся сотрудничество Сороса с националистами Украины и других постсоветских государств. Мне не нравилась экономическая политика Гайдара и его ленинградских экономистов – я общался с ним еще в восьмидесятых. В обществе доминировало ощущение, что достаточно принять европейские законы, чтобы в СССР, а затем в России возникло европейское обще-

²³ Позднее член Совета при Президенте по правам человека и председательница Московской Хельсинкской группы, старейшей правозащитной организации страны.

ство. Протест против либерализации начался, когда отпустили цены и население обнищало. Но было уже поздно – Ельцин утвердился во власти, и общество стали ломать через колено.

«Яблоко»

В девяностом я участвовал в работе оргкомитета движения «Демократическая Россия» и видел, что это популистское движение, которое вытаскивало на свет нереализуемые лозунги и обращалось к Ельцину, как к «своему». Хотя Ельцин, набрав популярность, видел их известно где в белых тапочках. К осени девяносто второго года сложилось впечатление, что не только Союз распался, но и Россия идет по этому пути. Я решил вернуться в политическую жизнь. Павловский помог организовать встречу с Григорием Явлинским.

В девяностом я резко выступал против его программы 500 дней²⁴. Подобный план реформ похож на то, как заполненный автобус на скорости разворачивают в обратном направлении. У нас до сих пор есть госсобственность, а тогда предлагали абсолютно всё приватизировать за 100 дней. Явлинский первоначально не отозвался, но Юрий Болдырев пообещал помочь – тоже хотел активности. В мае девяносто третьего Павловский послал за мной машину – мы встретились с Явлинским на даче у историка Михаила Гефтера и проговорили семь часов. Договорились, что я помогаю в его президентской кампании, а он мне – в создании фракции в Верховном Совете.

Через полгода – госпереворот и указ № 1400. Я пытаюсь убедить Григория, что если уж он хочет быть политиком, то пусть обратится к народу с требованием собрать Совет Федерации, который призовет к одновременной отставке парламента и президента. В ответ что-то невнятное, а вскоре он призвал Ельцина подавить «путч». Я перестал с ним связываться, но 8 октября он позвонил мне, сказал, что готов исправлять ошибки, и просил меня вернуться к проекту парламентской фракции. С этого началась партия «Яблоко»²⁵.

На государственной должности

Когда я стал депутатом в девяносто третьем году, в руках появился серьезный инструмент, чтобы помогать беженцам и «Гражданскому содействию». Я получал от организации казусы и писал письма – мне как депутату никто не имел права отказать. За время депутатства я отправил 15 тысяч запросов – сначала беженцы из Армении и Азербайджана, потом турки-месхетинцы, абхазы и осетины, затем началась чеченская волна беженцев. Только депутатским запросом можно было добиться, чтобы детей взяли в школу и обеспечили беженцев медобслуживанием.

Перед избранием в Думу я руководил аналитическим центром Министерства по делам национальностей. Министр прислушивался ко мне, а коллектив не принимал человека ниоткуда. Коллектив состоял из докторов наук, а я как бы от сохи, у меня даже не было диплома о высшем образовании. В Думе добился принятия норм закона по переселенцам и инициировал комитет по делам СНГ и соотечественникам. В рамках комитета я добился выделения средств на космодром Байконур. Депутаты не хотели финансировать из бюджета космическую программу, и я долго объяснял, почему это уже не может быть бесплатным. Декларация о поддержке российской диаспоры и о покровительстве российским соотечественникам, с таким трудом проголосованная Госдумой, не получила развития в следующем созыве.

²⁴ Программа группы экономистов о переходе СССР от плановой экономики к рыночной. В разработке принял участие Григорий Явлинский. Не была реализована, вместо нее к рынку приходили по принципу «шоковой терапии».

²⁵ Накануне первых выборов в Думу был создан избирательный блок «Явлинский – Болдырев – Лукин» – журналисты называли его «ЯБЛоко», исходя из первых букв фамилий лидеров. Блок получил на выборах почти 8 % голосов, в 2011 году поддержка на выборах снизилась до 3,4 %.

В комитете по делам СНГ у меня не заладились отношения с председателем, который стремился к расчленению Украины и Грузии, аннексии Крыма, Донбасса, Абхазии. Я же считал, что нужна дружественная стабильная и целостная Украина, настаивал на подписании договора и признании границ. Киев должен быть политическим союзником Москвы, а если мы отняли бы тогда Крым, то навсегда бы потеряли соседа. Другое дело, наша политика и так привела к утрате влияния. Теперь я иначе отношусь к проблеме Крыма: обеспечить достойную жизнь крымчанам в постмайданной Украине было бы невозможно. Из гуманитарных и геополитических соображений присоединение Крыма стало естественным шагом.

Депутаты любого созыва никогда не были готовы идти на настоящую конфронтацию с президентом. Они были готовы пошуметь, но идти ва-банк не решались, ведь их могли вполне распустить. Так было и в марте девяносто третьего, и в апреле девяносто девятого, когда президента обвиняли в развале Союза, геноциде русского народа и чеченской войне. Я не поддерживал голосование по импичменту – ведь Дума не смогла даже принять закон об отстранении президента от власти, никак нельзя было реализовать такое решение.

В девяносто шестом все считали, что лидер КПРФ Зюганов станет президентом, но коммунисты поджали хвост и согласились, чтобы результат оказался не в их пользу²⁶. Я никогда не считал свой статус депутата выше, чем мое положение почтальона в прошлом. Мне работать было комфортно, ведь я занимался тем, чего хотел всю жизнь, но мало что мог сделать. Испытывал и тяжелую фрустрацию: ведь статус Думы, где я был в ничтожнейшем меньшинстве в собственной же фракции, был жалок. Эксперимент по трансформации СССР мы провалили, аналогично получилось и с Российской Федерацией.

Материал подготовил Дмитрий Окрест

²⁶ Имеются в виду президентские выборы 1996 года. Существует ряд версий о том, что итоги выборов были сфальсифицированы в пользу Ельцина, а реальным победителем стал Зюганов.

Прощай, нерушимым

Анализ освещения развала СССР на страницах газет в 1991 году

Неожиданный крах ГКЧП после трех дней массовых протестов вокруг Белого дома, возвращение в Москву Михаила Горбачева и арест участников комитета, безусловно, стали событиями, последствия которых невозможно было полностью спрогнозировать. Едва ли обо всем, что последует за подавлением того, что тогда было принято называть «путчем», могли догадываться активные участники событий как на рядовом уровне, так и представляющие руководство ведущих политических сил. Тем не менее у событий последующих месяцев была своя логика. Влияли на эту логику среди прочего и те ожидания, которые были у участников и наблюдателей событий. Мы, разумеется, не беремся воссоздать полную эмоциональную и рациональную картину происходящего для всех его участников. Однако какое-то представление об этом могут дать определенные влиятельные СМИ того времени, выполнявшие роль ретрансляторов общественного мнения. Прежде всего нас будут интересовать прогнозы и оценки, публиковавшиеся в тех СМИ, которые считались сторонниками решительных политических преобразований. Ожидания тех политических и интеллектуальных кругов, которые концентрировались в это время вокруг газет, в первые месяцы после августовских событий так или иначе отражались на их страницах. Сейчас они представляют заметный интерес, поскольку дают понять, как виделось происходящее тем, кто так или иначе приложил усилие к тому, чтобы события развивались именно в этом направлении.

В качестве основы взят еженедельник «Московские новости» – пожалуй, одна из наиболее влиятельных газет периода перестройки, безусловно поддерживающая радикальные политические преобразования. Стоит отметить, что, поддержав курс Бориса Ельцина на повышение самостоятельного статуса РСФСР и критикуя «консерваторов» в окружении Горбачева, «Московские новости» тем не менее сохраняли определенную лояльность по отношению к президенту СССР, поэтому оценка поставгустовских событий авторами газеты особенно интересна. Дополнительное же внимание к этим публикациям привлекает то, что среди авторов газеты того времени можно найти много известных фигур, сыгравших разную роль в политической и культурной жизни России последующих десятилетий. В качестве определенного дополнения мы приведем публикации из некоторых других изданий. Однако они сыграют лишь вспомогательную роль в качестве некоторых ориентиров в сложной картине российской публицистики тех лет.

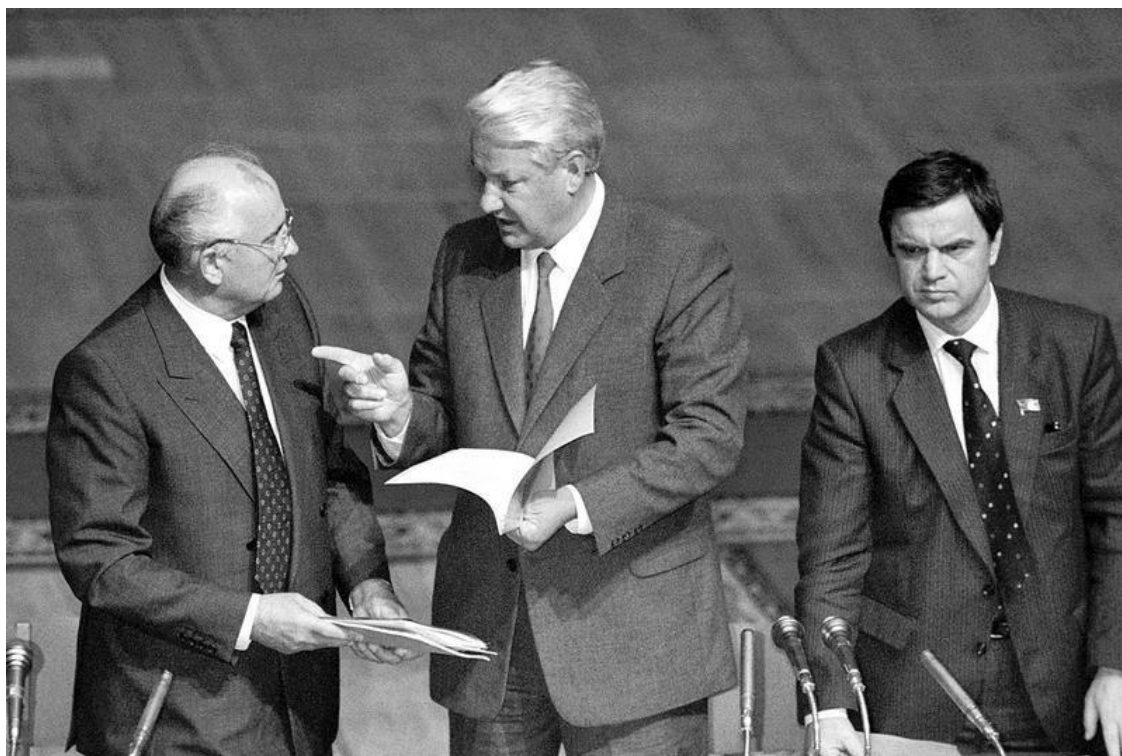
Если говорить о первых материалах, появившихся в «Московских новостях» вскоре после поражения ГКЧП, то можно увидеть, что само это поражение воспринималось как повод для решительных и радикальных действий. После 21 августа «Московские новости» настаивали на коренном преобразовании действующей политической системы. Одним из показательных материалов того времени можно считать статью знаменитого обозревателя «Известий» Отто Лациса, опубликованную в номере от 24 августа – в это время газета печатала материалы, писавшиеся непосредственно в дни событий, связанных с ГКЧП, – именно этим, видимо, объясняется, что Отто Лацис решил написать материал именно для приостановленных после введения чрезвычайного положения «Московских новостей» («Известия» приостановлены не были и заняли противоречивую позицию). В статье «Конец эры компромисса» Отто Лацис призывал к немедленному роспуску КПСС: «Шестилетняя эпоха медленного, непоследовательного движения вперед, эпоха политики Горбачева закончилась (...) Вместе с эрой компромисса 19 августа умерла КПСС. Ее руководство, возможно, не участвовало в принятии решения о создании ГКЧП – значит, это не правящая партия. Ее руководство двое суток молчало по поводу захвата хунтой своего генерального секретаря,

избранного съездом, – значит, это вообще не партия(...) Демократии придется теперь действовать по-новому, с учетом страшного урока. Только этим мы сможем возместить малую часть долга перед павшими, только так мы восполним долг перед будущими поколениями», – писал он. Возможно, эти строки были написаны в некоторой горячке. Тем не менее они выражали определенное настроение. При некоторой сумбурности событий 19–21 августа (как это видится сейчас) тогда они представлялись патентом на самые радикальные преобразования как политические, так и экономические. Попытка части государственного руководства совершить не предусмотренные конституцией действия в этот момент казалась достаточным поводом для демонтажа некоторых конструкций традиционной политической системы, в частности, КПСС.

О финале перестройки писал в это время и обозреватель «Московских новостей», будущий редактор газеты Лен Карпинский. Его материал в номере от 1 сентября так и назывался: «Перестройка кончилась, начинается новостройка». «Именно прежний курс полушагов оказался порочным(...) – писал Карпинский, – поэтому, проходясь по лицам, замешанным в перевороте, предстоит пройти по структурам, его породившим. Подвергнуть ревизии необходимо и политический курс, который вел нас в пропасть». Иными словами, мысль о коренном демонтаже государственной системы после того, как некоторые лица из этой системы неудачно ввели в Москву танки, была достаточно популярна, по крайней мере, среди тех, кто мог считать себя победителями в произошедших событиях.

Впрочем, определение круга победителей было отдельной задачей, которая решалась далеко не только в «Московских новостях». Революционность событий требовала описать, кто был движущей силой революции. Этот жанр требовал определенного пафоса, а также неизбежной идеализации происходящего.

Среди разных тем, обсуждавшихся в эти дни, появлялась и тема новых поколений, которые внесли свой вклад в успех общественного сопротивления. При этом рассуждать о «поколениях перестройки» было не очень просто, учитывая, что с момента ее начала прошло всего 6 лет. Поэтому особое внимание обращалось на совсем юных участников стояния у Белого дома. Восторженную статью им посвятила, в частности, Ирина Овчинникова – специальный корреспондент «Известий», писавшая на тему школьного и вузовского образования. Статья «Непуганые дети» вышла в газете 23 августа. «Им было десять, двенадцать, пятнадцать в 85-м, и глина, из которой они слеплены, еще не успела отвердеть. Поэтому они, как выяснилось в трагические дни и ночи с 19 по 22 августа, не ведают страха, впитавшегося в плоть и кровь старшего поколения, им не пришлось ломать себя, чтобы свободно отдаться зову гражданской совести», – писала автор. Статья поет дифирамбы новому поколению, которое, по мысли Овчинниковой, свободно от пороков сознания советского человека: «Да, десять дней спустя на первых уроках учителю наконец-то не надо будет далеко ходить за так называемыми положительными примерами. Пережитые нами три дня явили их в таком множестве, что позволяет разрушить нравственные завалы, образовавшиеся за десятилетия и состоявшие более всего из искаженных понятий. Сегодня есть возможность каждое из них наполнить подлинным смыслом. Как под увеличительным стеклом мы видели преданность и предательство, трусость и рыцарство, верность и измену. Ни душой не придется кривить, ни в книжную пыль погружаться, чтобы рассказать детям, кто есть кто и что есть что». Сопротивление ГКЧП действительно представлялось поворотным моментом истории и чем-то таким, что будет формировать коллективную память целых поколений.

Верховный Совет РСФСР. 22 августа 1991 года. Фотография предоставлена Ельцин Центром

Похожий материал был помещен также и в первом номере «Литературной газеты» от 28 августа, вышедшем после августовских событий, в статье «Гаврики». Он также был посвящен школьникам, оказавшимся на баррикадах у Белого дома. Автор В. Голованов предсказуемо сравнивал их с гаврошами и также посвятил им восторженный панегирик: «Эти московские мальчишки даже не представляют, до какой степени им повезло. Что они вошли в жизнь с этой августовской победой, а не с битой мордой униженных, раздавленных, беспрерывно обманываемых и вынужденных беспрерывно врать верноподданных (...) Я дико завидую им. Всего три ночи и такой прорыв. Они быстрее нас поняли, что почем».

Далее в заметке гавроши противопоставляются равнодушному большинству общества, на которое надеется «любая хунта». Большинство это, между прочим, описывалось так: «Другие притерпелись к ярму и чувствуют себя в нем уютно: воруют друг у друга, спекулируют жратвой и барахлом, пьют пиво. И если бы вас, гаврики, раздавили у Белого дома, они продолжали бы делать то же самое».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.